

Михаил Сопин

МАЛЬЧИШКА-ВОИН

Стихи

Издание четвёртое,
исправленное и дополненное

Вологда
2010

Мальчик с «Огненной» дуги

Изучать историю Великой Отечественной войны по стихам – занятие не самое благодарное. Поэзия вообще едва ли должна претендовать на историческую достоверность. Однако в данном случае имеется объем информации, достаточный для того, чтобы попытаться связать документы эпохи и художественное творчество. В стихах поэта Михаила Сопина, по детству которого прошелся огненный вал Курской битвы, неоднократно упоминаются места событий, есть точные указания на времена года, даты... При подготовке этого очерка мы использовали фрагменты из интервью с Михаилом Сопиным, радиозаписи.

Стоит заметить, что сам поэт специальной литературой не пользовался никогда.

И тут мы встречаемся с интересным фактом: оказывается, не только свидетельства очевидцев могут быть источником исторической достоверности, но по документам истории можно восстанавливать биографию человека. Дело в том, что о ранних годах поэта известно мало, документально – практически ничего. Первое и единственное упоминание о месте рождения читаем в справке об освобождении после 15-летнего заключения разнорабочего Сопина Михаила Николаевича: «Время, место рождения – 12. 08. 1931 г., с. Ломное, Грайворонского района Курской области» (ныне это Белгородская область).

Отец мальчика, испытатель танков, погиб в тридцатые, в годы репрессий. Мать работала на Харьковском танковом заводе токарем, бабушка продолжала жить в Ломном, а дети - Миша, старшая сестра Катерина и младший брат Толик - попеременно у матери и бабушки.

А дальше можно читать стихи.

Мне шел одиннадцатый год.
И не моя вина,
Что не дошел он – что его
Обогнала война...

... А горячие ветры тяжелые –
Ближе и ближе.
И вокзал
Известковою пылью еще не забит.
Я беззвучно кричу:

«Заберите скорей ребятишек,
Пока звезды еще
Не коснулись фугасом земли!»
И подхватят меня
Чьи-то сильные руки подмышки,
Одного из печально
Поющих твоих сыновей.
И ударит мне колокол
В огненный путь у Хотмыжска.
И пройду этот путь,
Не успев исцелиться навек...

.....

Не виноват, что нет тебя –
Мое родное захолустье.
Ты знаешь, я из тех ребят,
О ком темнело небо грустью.
Ты помнишь плачущих навзрыд.
Пришла беда - ворота настежь.
Я шел в ненастье той поры,
Когда земля была в несчастье
С коротким именем - война.
И я под бомбами, за мамой
Кричал в пространство:
«Отче наш!»
Но Отче изгнан был из храма.
Ползли не русские кресты.
Глотали танки жизнь и версты...

Вспоминает Михаил Сопин:

«Мы не успели эвакуироваться, помню, собирались ехать в каком-то эшелоне, а в тылу нашем уже были немцы. Бежали из-под Харькова, в одной массе – солдаты, дети, старики, женщины... Это был какой-то бег исхода. Если бы нас остановили, мы, наверное, умерли бы на месте. До сих пор не верю, что выжил... Немцы нас нагнали. Разорванные, раздавленные дети, их утюжили танками. Меня ранило осколком в голову, спас какой-то военный – замотал голову тряпкой и пихнул в районе Богодухова в товарный вагон, я там валялся на опилках весь в крови. Растолкала старушка, снова мы куда-то шли. Снова я в скоплении народа. Помню, уперлись в реку: горел мост и солдаты наспех сколачивали плоты. На них люди прыгали вместе с детьми, плоты переворачивались. И все это под бомбежкой...»

...Но в пыли и в дыму Лозовая
И себя не узнать сквозь бинты.
Подмените меня, замените!

Поезда на горящих путях.
 В поднебесье
 Разрывы зениток,
 Словно белые шапки, летят.
 Жгут стопы
 Раскаленные сходни.
 Дальше - поздно.
 За насыпью пост.
 И горит меж былым и сегодня
 Перебитыми крыльями мост.

Добраться до Ломного Мише все же удалось. Курщина тогда казалась более безопасной, но ненадолго. Начались артобстрелы, незащищенным небом полностью владел противник.

«Когда начинались налеты, мы с Катериной бежали прятаться в погреб. Бомбежки продолжались по трое-четверо суток... Я был в зачумленном состоянии. Когда сутками напролет бомбят, перестаешь испытывать страх за жизнь – безразличие полное. В таком состоянии солдаты, измотанные, спят прямо в окопах. Сейчас это совершенно не может быть понято... Скорее бы бомба попала, кончились муки».

Бабушкин дом стоял на краю села.

«У нас во дворе частями Красной Армии были прорыты профильные окопы, потом брошены. Окопы ошибочно выкопали перед избой, а дом таким образом оказался на линии огня. Начались тяжелейшие бои. Однажды во двор заскочили двое молоденьких солдатиков и прямо перед окнами стали устанавливать пулемет, но никак не могли его заправить. Бабушка выскочила с поленом: «Куда ставите, сейчас начнут бить по хате, а здесь дети малые!» Велела тащить пулемет на угол двора и там сама заправила пулеметную ленту».

А теперь прочитаем поразительное по точности описания стихотворение:

...За сто шагов до поворота,
 Где Ворскла делает дугу,
 Далекой осенью
 Пехота
 С землей
 Смешалась на бегу.
 И стала тихой и свободной,
 Уйдя в прилужья и поля
 Сырой земли
 С преградой водной
 У деревеньки Тополя.

Подбило память серой льдиной.
Здесь не хозяин я, не гость.
За все-про все земли родимой,
Моей земли досталась горсть.

По карте от Ломного до деревни Тополя – около четырех километров, там же можно увидеть «петельку» реки Ворсклы. О какой пехоте может идти речь? ? Это установила учащаяся Белгородского юношеского лицея Алина Беляева, летом 2010 года побывавшая вместе с матерью в местах боёв, описанных Михаилом Сопиным. Она пишет:

«Село Ломное, Головчинский лес стали очередным «котлом» - местом, через которое с 18 по 25 октября 1941 года с ожесточёнными боями выходили из окружения части 1-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.Н.Руссиянова...

В 31-ом выпуске «Сборника боевых документов Великой Отечественной войны» находим справку о численности дивизии И.Н.Руссиянова на 16 октября 1941 года до окружения: 9401 человек. А в докладе Руссиянова на 27 октября в выводах записано: «Боевой состав батальонов составляет на сегодняшний день в среднем 40-50 человек. Дивизия в данный момент имеет всего только 586 активных штыков».

И сегодня о них, как и Михаил Сопин, я молчать не могу. Их кровью обильно полита моя земля. Сколько их? Тысячами они остались лежать без погребения, непомянутыми, неизвестными. И сейчас на братских могилах не найти их имён. Ни на одной братской могиле Грайворонского района нет даты захоронения 1941 года. Все захоронения датированы 1943 годом».

Без слов, без гранат, без атаки,
Вслепую – какая там связь! –
Бежали под бомбы, под танки,
Российской землей становясь...

.....

В пилотке со звездой зеленой,
В х/б, каленом добела,
Я полз и плакал, в жизнь влюбленный,
По роше, прахом запыленной,
Где рота смертная легла...

«Между Ново-Борисовкой и Хотмыжском, - продолжал Михаил, - были двойные-тройные переходы наших и немецких войск. Если не воевать, находясь в полосе действующей армии, все равно будешь что-то делать. Не один я, не одна моя бабушка...

масса женщин, оставшихся солдатками - вытаскивали раненых с поля боя. Никаких справок не брали про запас, думая, что они когда-то пригодятся...»

Для чего и зачем
Из сегодня,
Спотыкаясь
О память и явь,
Я бегу под горящую Готню
По разбитым
Осенним полям?
Через смерть,
Через сжавшийся ужас...
Может, где-то не все сожжено?
Может, снова кому-то я нужен
С индпакетом,
С краюхой ржаной...

.....
Поле, поле...
Поле не пустое.
Я до самой смерти пронесу:
Жители, спешившие на стоны,
Псов голодных видели в лесу.

.....
Слепой, истошный вопль в овсе -
Шли танки с трех сторон,
Давили, били, рвали всех
Без всяких похорон.
На равных
Бой
И крик - ура!
Багряный след в овсе...
И насмерть бил, как били все.
И пропадал - как все.
Стреляю. Плачу. Кровь в зрачок.
Бью в башни, по крестам.
Но под разъездом Казачок -
От пули в бок
Устал.
Устал... Усталости конец -
Убитых братьев зов.
И пил в одиннадцать сырец
С багровою слезой.

И без того сложную ситуацию, в которой оказалась Красная Армия, усугубили начавшиеся в октябре сорок первого затяжные дожди.

Из воспоминаний танкиста А.В. Егорова («В боях под Белгородом»):

«Трое суток не переставая лил дождь, дороги превратились в непроходимое месиво из густой грязи. Реки вышли из берегов. Из-за снесенных ими мостов образовались огромные пробки. Все дороги к Белгороду были забиты тылами армии: складами, ремонтными базами, госпиталями...»

Описание этих дождей у Сопина встречается неоднократно:

...Дождь сорок первого года
Падает в душу мою...

...Дым над осенью,
Резкий и синий.
Едкой гарью
Октябрь напоен.
Дым. И дождь
По военной России,
Проникающий в сердце мое.
Дождь:
По горьким солдатским усмешкам,
По глазам,
По стальному стволу.
Догорают избы головешки.
А над полем – кувшин на колу...
Кони. Кони.
Блестят, как тюлени.
Где-то справа машины гудят.
Прикрываю руками колени,
Меж лопаток –
Мурашки дождя...

Из баллады «Ванюха»:

...Но я уже нюхал
От Харькова собственным брюхом,
Буксуя в грязище
С пробойной на голове.

Сорок второй год принес новые испытания. Этот год у Михаила упоминается неоднократно:

Это я наползаю
 На скользкий от крови паром,
 С перебитой душою,
 Под Харьковым в сорок втором...
 («Спой мне, век...»)

«Харьков. Танки. Ночь. Основа. Под Мерёфой - ад огня...»
 («1942»)
 (Основа, Мерёфа - населенные пункты под Харьковым).

В газете «Белгородская правда» за 8 апреля 2005 года был напечатан очерк «Беженцы» за подписью В. Павленко, бывшего заместителя начальника управления КГБ СССР по Белгородской области, Почетного сотрудника госбезопасности СССР. Он начинается:

«В начале 1942 года маршал Тимошенко и член Военного Совета Воронежского фронта Хрущев убедили Верховное командование в успехе предстоящей операции по освобождению Харькова. По мнению современных историков, их план отличался примитивностью и поспешностью. Советские войска были плохо подготовлены. В результате - провал операции. Командующий VI Армией генерал Городнянский, один из героев обороны Смоленска в 1941 году, в отчаянии, видя страшное избиение своих солдат, застрелился. Основная масса направленных на освобождение Харькова войск оказалась в немецком плену. Успех немцев был триумфальным - 240 тысяч военнопленных! Путь на Воронеж был практически открыт».

Немцы были не готовы принять такое количество пленных. Они сгоняли их в поле, огораживали колючей проволокой и никого не подпускали, не кормили и не поили. Начиналась палящая жара. Смертность – стопроцентная... Трупы не убирали: немцы не приближались, боясь заражения. Потом их засыпали с самолетов хлоркой, пустили технику... Этой страшной советской катастрофе ужасалось даже немецкое командование. Вырвавшихся из кольца потом назвали предателями Родины.

А вот как о том же рассказывает Михаил Сопин:

«Я видел бег исхода и беспомощность армии. Немой плач, как на картинах Чюрлениса серии «Похороны». Там есть траурная процессия - длинная вереница, которая теряется у горизонта, люди идут к солнцу, символу жизни, и прощаются с ним. А потом, когда солнце заходит, оставляя кровавые отблески, сияние исходит от самой процессии, от людей. Все выше в гору тянется шествие, выше и выше во тьму, будто огромный сверкающий уж... уходит, чтобы исчезнуть.

Между Ново-Борисовкой и Хотмыжском... месяцами лежали наваленные раздетые волдыреобразные тела советских бойцов. Все подступы к Ломному были усеяны ими...

Водить через фронт военных - это было естественное внутреннее состояние, как дыхание, потому что это была армия, которая - я. Где шли бои, какого масштаба - знала моя бабушка, деревенская маршалюга Наталья Степановна Исаева. Она и втянула меня: посылала переводить через линию фронта окруженцев. Мы, ребяташки, хорошо знали окрестности, кустики, овражки, буераки. Выводил два раза.

После сорок второго пришла другая армия, армия-победительница, но любовь моя осталась там - в сорок первом. Солдаты сорок первого года, восходящие на алтарь грядущей Победы - они во мне. Не знаю, кто они, но получаю от них оценку тем, кто остался жив. Я смотрю их глазами, вижу, как они смотрят. Их место на земле осталось пустым».

На год с лишним на Белгородчине воцарился оккупационный режим. По рассказам Михаила, вернулось нечто похожее на царский строй, открылись церкви. Для детей это было диковинно. Показательно, что уже тогда местное население, в течение долгих месяцев тесно общаясь с немцами, различало истинное лицо врага и воюющих в силу обстоятельств. Михаил рассказывал, что от чесотки его лечил немец, давал вонючую мазь (видимо, дегтярную). Но вот что интересно – стихов, посвященных этому периоду, у поэта нет совсем.

Михаил переболел тифом.

А вот выписка из политдонесения по Воронежскому фронту («Русский архив», изд. «Терра», 1997 г.): «Многие деревни южнее и юго-западнее Курска поражены сыпняком... Остановившись в них на ночлег и соприкасаясь с местным населением, некоторые бойцы и командиры заболели тифом. В 52-й дивизии вшивость достигала 90 процентов личного состава».

Умер младший братишка Толик, которого Миша очень любил, во время артобстрелов и авианалетов таскал на руках в подвал. А это стихотворение посвящено сверстнице Ирине:

Полстолетья кружится граната волчком.
Ты упала на мерзлую землю ничком,
В сорок третьем, весной,
Меж гранатой и мной.

После победы под Сталинградом Красная Армия развила стремительное наступление, в результате которого уже в феврале

43 года были освобождены отдельные территории Курской области.

«Вслед за Грайвороном и Богодуховым были освобождены Готня, Б. Писаревка, Красная Яруга, Краснополье, Тростянец... Дивизии стремительно продвигались к р. Псел. Но 19 февраля противник перешел в контрнаступление... Танки неприятеля подошли к Грайворону, на южной окраине города завязался тяжелый бой. Грайворон и Б. Писаревка были захвачены врагом. В Головчино, что на полпути между Грайвороном и Борисовкой был организован противотанковый опорный пункт. Враг упорно пытался овладеть им, но каждый раз откатывался с потерями. Здесь боем непосредственно руководил командир артиллерийской армии полковник И.М. Снегирев. Таранному удару тяжелых немецких танков он противопоставил гибкое и эффективное применение всей имевшейся в районе Головчино артиллерии. Две трети ее И.М. Снегирев, лично возглавлявший расстановку огневых средств, поставил на прямую наводку. Артиллеристы нанесли тяжелый урон танковым частям СС. Здесь смертью храбрых пал полковник И.М. Снегирев... В последующие дни, когда наши части отошли от Головчино, ожесточенные бои развернулись сначала в районе Борисовки, а затем в районе Томаровки... Именно там мы впервые встретились с танками «Тигр» и «Пантера».

(К.С. Москаленко, «На Юго-Западном направлении». Воспоминания командарма. Изд. «Наука», М., 1969 г.)

В ходе зимнего наступления 1942-43 г. в районе Орла, Курска, Белгорода сложилась своеобразная обстановка. Здесь образовался огромный выступ, глубоко вдававшийся в расположение противника. Именно здесь летом 1943 года и произойдет Курская битва. Советское командование решило действовать от обороны, в то время как немцы готовились к грандиозному наступлению.

Историк В. Эрдуорт, ФРГ, пишет: вся наступающая мощь, которую германская армия способна была собрать, была брошена на осуществление операции «Цитадель».

Нас интересует Воронежский фронт, отражавший удары на южном фланге дуги.

«С немецкой стороны здесь наступала 4-я танковая армия и оперативная группировка «Кемпф», входившие в группу армий «Юг» под общим руководством генерал-фельдмаршала Э. Манштейна. Эти ударные группировки имели 6 пехотных, 8 танковых и одну моторизованную дивизию, всего до 280 тысяч человек, около 4 тысяч орудий и минометов, 1559 танков, в т. ч. 337

танков «Тигр» и 253 орудия «Фердинанд» (К.С. Москаленко, «Битва на Курской дуге». М., 1975).

Летят дымы и вьюги на Воронеж.
 Над Харьковщиной - тучи воронья.
 Зачем ты, память,
 Боль души хоронишь,
 Во мне, живом, бывшее хороня?

Из донесения старшего офицера при Воронежском фронте (лето 1943 года):

«Противник перед фронтом занимает следующее положение. 1-я линия фронта (167, 332 пехотные дивизии) - на фронте Русская Березовка, Трефиловка, Фастов. Танковая дивизия СС «Мертвая голова» - Раково, Осколочное. В оперативной глубине, в районе Грайворон, Хотмыжск, Борисовка, Томаровка - танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Райх», «Великая Германия».

Как рассказывал Сопин, танковая дивизия СС «Мертвая голова» одно время стояла у них в селе. Вероятно, это было во время сосредоточения гитлеровских войск в районе предполагаемого наступления.

Я помню – в зареве костра
 Гортанные чужие речи,
 Что миром будет править страх,
 Сердца и души искалечив...

Однако не менее грандиозными были работы по подготовке обороны наших позиций.

«В июне 43 года на сооружении советских оборонительных рубежей было задействовано до 300 тысяч человек, прорыто 20 тысяч километров траншей, противотанковых рвов, щелей... Общая глубина оборонительных сооружений на отдельных участках достигала 250-300 километров». («Взгляд через полвека», Белгород).

5 июля 1943 года началась Великая битва, вошедшая в историю как Битва на Курской дуге. Командовал фронтами представитель Ставки Верховного Главнокомандующего Маршал СССР Г.К. Жуков. О Курской битве написано много, а для тех, кто забыл, напомним.

Р.Я. Малиновский, Маршал СССР:

«Курская битва по ожесточению и упорству борьбы не имеет себе равных. Развернувшиеся в ее ходе потрясающие танковые сражения были непревзойденными как по количеству участвовавших в нем танков, так и по потерям с обеих сторон».

И.С. Конев, Маршал СССР:

«Битва на Курской дуге охватила огромную территорию нынешних Орловской, Брянской, Курской и Белгородской, Сумской, Харьковской и Полтавской областей. ... В развернувшееся сражение было втянуто более 100 немецких дивизий, то есть почти половина находившихся тогда на советско-германском фронте. Подавляющее большинство из них специально готовились для решительного удара.

...50 дней шли упорные бои на земле и в воздухе. За это время обеими сторонами было последовательно введено в сражение 4 млн. человек, более 69 тысяч орудий и минометов, 13,2 тыс. танков и самоходных орудий и до 12 тысяч боевых самолетов. Курская битва характерна небывалыми встречными танковыми сражениями, наиболее крупными в истории Второй мировой войны... в районе Прохоровки, а затем последовал ряд сражений в районе Ахтырки и Богодухова».

Командующий 40-й армией Воронежского фронта К.С. Москаленко сравнивает три битвы по количеству задействованных в них войск: «Под Москвой было сосредоточено 17 общевойсковых армий. Под Сталинградом - 14 общевойсковых, одна танковая и три воздушных. Под Курском - 22 общевойсковых, 5 танковых, 6 воздушных, причем, эти армии были значительно сильнее».

По свидетельству очевидцев, орудия раскалялись до такой степени, что на них обгорала краска. Из письма рядового разведчика М. Ляхова: «Что я видел за это время, трудно даже представить. Живешь буквально минутами. Сейчас живешь, а что будет через несколько минут - не знаешь».

Медленно падает в землю крестом колокольня.
Падает вечность на белые лица солдат.
Огненным было в том августе небо и поле.
Красные травы. И красного цвета вода.
... И в сегодняшнем мире великом
Я задохнусь давним августом в красной пыли
И закричу, раздираемый сотнями криков
Тех, что живыми сквозь август пройти не смогли.
(Из стихотворения М. Сопина «Август»).

В воспоминаниях Г.К. Жукова читаем:

«Воронежский фронт... силами 546 гвардейской армии, 5 гвардейской и 1 танковой армии наносил главный удар в общем направлении на Ахтырку. Правее переходила в наступление 40, 38 армии в общем направлении на Грайворон и далее на Тростянец».

...Это я,
Твое имя,
Пропавшее без вести

Эхо,
 Перекатная голь,
 Беспризорное детство твое.
 И туда обернусь,
 И сюда погляжу:
 Как ты? Где ты?
 Я же сам очевидец:
 Ты убито...
 Ахтырка... Бои...
 А на темном стекле
 Обнаженно,
 До резкого света:
 Ирреальная явь,
 Темно-красные слезы мои.

(Заметьте: автор делает себя очевидцем не боя, а убитого детства. Детство убито этими боями. В стихах упоминаются любимые с детства Головчанские леса, Хотмыжск, село Ведилино, Красная Яруга, Русская Лозовая, Грайворон...)

Я хочу это знать,
 Чтоб до смерти суметь разобраться:
 Здесь хрипел раскаленно,
 Бил, взмахивая заходясь, пулемет.
 Здесь оно начиналось,
 Мое кровное, крестное братство,
 Что годам не подвластно,
 Со смертью моей не умрет.

«В 8 часов 7 августа перешли в наступление соединения 27 армии. В упорном бою части 163-й гвардейской стрелковой дивизии... овладели населенным пунктом Ломное и развили наступление в юго-западном направлении на Грайворон». («Пехота Огненной дуги», Воронеж, 1987 г.)

«В начале августа, - пишет Р.Я. Малиновский, - в ходе Томаровско-Борисовской операции в районе Борисовки, Хотмыжска, Головчино была окружена крупная группировка немецких войск. Все утро и весь день здесь шел самый жестокий и кровопролитный бой за всю операцию по освобождению Борисовского района».

Начало баллады Сопина «Ванюха» звучит так:

Бои под Борисовкой.
 Танки все в мареве белом
 Кует немчура
 В броневые листы скакуна...

А вот то, чего не встретишь в официальном источнике. В балладе рассказывается, как автор встретил участника боев в районе Борисовки, бывшего донецкого шахтера и командира взвода Ивана Гуртового на этапе по пути в Соликамские лагеря.

И бывшему взводному снится:
Громят эшелоны,
Штрафрота, атака,
По ноздри в кровавой воде...

Иван Гуртовой – реальное лицо. Впоследствии он будет переправлен в Карагандинские лагеря, где исчезнет бесследно. Написанная в семидесятых годах баллада посвящена его памяти. Позднее эта тема станет для поэта одной из главных, вылившись в монументальное:

Идут через Норильские ухабы
В безмолвное ничто издалека
Последние солдатские этапы,
Безвестные советские зека.

О потерях в ходе Курской битвы сообщает «Русский архив». За 50 дней сражений безвозвратные потери составили 250 тысяч человек (в среднем пять тысяч в сутки), 500 тысяч раненых (десять тысяч в сутки). Только в ходе оборонительной операции (4-22 июля 43 года) Воронежский фронт потерял убитыми - 18097, ранеными - 47272, без вести пропавшими - 24851.

В воронках, у стенки,
Во рвах, на холмах, у рябинки –
По отчему краю
Без вас не отыщешь версты:
Могилы забвенья,
Фанерные звездочки, бирки,
Крест-накрест березы
И русские в поле кресты.
Я ветры прошу,
Ребятишкам шепчу:
«Осторожно
Касайтесь камней,
Чернобокой ракиты и трав!
Здесь – думы страны,
Без чего вам прожить невозможно.
Взывающий к миру,
Глаза застиляет мне прах...»

О мощи минных заграждений и бомбовых атак можно судить по цифрам, приведенным в сборнике «Во имя Победы»

(«Белгородчина в годы Великой Отечественной войны».
Документы и факты. Белгород, 2000 г.). С 5 по 15 сентября 1944
года с площади 50,2 тысячи га было снято 28135 мин, 73777 не
разорвавшихся авиабомб и другие боеприпасы. Не разорвавшихся!
А сколько разорвалось?

В «Истории Великой Отечественной войны в документах и
судьбах. По материалам Курской битвы», изданной в 1995 году,
читаем: «По неполным данным, найдено за последние годы более
50 тысяч человек в безымянных захоронениях (траншеи, землянки,
доты и дзоты, окопы, воронки от бомб и снарядов), числившихся
без вести пропавшими».

Впечатления этих лет будут преследовать поэта всю жизнь.

Брат погибший, прости.
Друг живущий, прости.
Так непросто мне
Светлую песню нести!
Все мне слышится шум,
Все горят ковыли...
Подожди, я прошу –
Пусть душа отболит.
Вместо птиц –
Косьяками
В полночь трассы войны
И в глаза затекают
По Донцу плывуны.
Слышу зуммеры раций
В полевых проводах.
И туда не добраться,
И не выйти сюда...
1985 г.

.....

...Я умру за Россию.
Под Орлом ли,
Под Оршей,
В Тагиле -
Я дышал для нее!
Напряженно и яростно жил!
Схороните меня,
Как положено,
В братской могиле,
Чтоб июльское поле
Мне звенело колосьями ржи.
1983 г.

.....

Полвека снятся сны о битвах
 Степных, метельных, дождевых...
 Что я живой
 Среди убитых
 И неживой -
 Среди живых.
 И тягостно от лжепричастья
 Словес:
 «Никто не позабыт!»
 Кричу,
 Но мне не докричаться:
 Кровавым грунтом
 Рот забит.
 И слышу без вести пропавших,
 Их мысли шепчут ковыли:
 Ответь, что там за жизнь
 У близких наших?
 Скажи,
 Не зря мы полегли?..
 И я броском -
 Назад от даты,
 Туда,
 Сквозь грязь,
 По гужевым,
 Где примут исповедь
 Солдаты
 И нарекут
 Меня
 Живым.
 1995 г.

Позицию свою поэт определил еще в начале войны:

...Всех теперь в отряды,
 Всех война свела.
 И бегу я рядом
 До конца села -
 Был в солдатских валенках,
 Ростом не по мне.
 ... Я остался маленьким
 Где-то на войне.

Десятилетний мальчик, как видно, дальше края села не ушел. А после Курской битвы это случилось. С армией К.С. Москаленко Михаил Сопин дошел до Потсдама.

Исторический очерк Петра и Татьяны Сопиных.

МАЛЬЧИШКА-ВОИН

РЕБЯТИШКИ ПОД РАДУГОЙ

Ребятишки под радугой!
 Издали – солнечнотелые
 Поразительность вечности.
 Миру – ни края, ни дна.
 Облака над горой
 Развернулись хоругвями белыми.
 Поезд, в вечер въезжая,
 Дал голос у Песочина.
 Ах ты, степь моя,
 Родина,
 Тропка, бегущая ровненько.
 Это нынче я знаю,
 Что только лишь шаг – и к войне.
 И кусками, стоп-кадрами
 Рвется и крутится хроника,
 Черно-белая лента
 Моих догорающих дней.
 А над гаем сычи
 Человеческим ухнули-охнули.
 А потом далеко-далеко,
 Будто выплеск крыла...
 Прошумело-прошло,
 Словно дождь за железными окнами
 Или снег низовой.
 Может быть,
 Это жизнь и была.

* * *

Ветряки пламенели
 От червонного
 Цвета заката.
 Мужики собирались
 И пели –
 До стыни в груди!
 Про зозулю-кукушку,
 Что летела
 Над отчею хатой...
 Как лихих запорожцев
 Атаман Дорошенко водил...
 Пахло осенью терпко.

И возраста не было в теле.
 Жизнь была еще вечностью.
 Сердце не знало тоски.
 Над осенними вербами
 Птицы летели,
 Летели,
 В чистом небе вечером
 На степь развернув косяки.
 Закачалась земля.
 А потом
 В тишине
 Кто-то просто
 «Умираю...» - сказал.
 (Я скорее прочел по губам).
 Разбегались стада.
 Табуны торопились по просу.
 Начиналась война.
 Счет иной
 Открывала судьба.
 Пахло гарью и горечью
 Поле под Красной Яругой.
 Крестокрылые
 Небо взорвали,
 Мою тишину.
 А потом
 Много жизней
 Пройду я,
 Сомкнув круг за кругом.
 Гляну в зеркало.
 Вздрогну.
 И сам от себя отшатнусь.

* * *

Ударю в ладони –
 И вздрогну:
 Какой я счастливый!
 Цветет и шумит
 То, что будет
 Войной сожжено.
 Ударю в ладони –
 Обвалится иней,
 Как ливень.
 С годами – все тише.
 Потом перейдет в обложной.
 Забытое вспомню:
 Деревню,

Ребят и салазки!..
 Лежанка гудит.
 И сижу я –
 Ладони к огню.
 Заплачу от счастья,
 Придумаю нежность и ласку,
 Как был я любим,
 Проходя по земле,
 Сочиню.
 Когда от печали –
 Ни света,
 Ни слов,
 Ни спасенья,
 Как будто ты загнан
 На речку,
 На тоненький лед –
 Мне радует сердце
 Беседа со степью осенней.
 Зажмурюсь – и тут же
 Над памятью
 Солнце встает.

ИРИНЕ

В сорок первый,
 Весел, шумен,
 Я качусь,
 На зависть всем,
 В двадцать первое июня
 На трамвайной «колбасе».
 Громяхают перекрестки!
 Контролеры не журят...
 Гладит ветер
 На матроске
 Золотые якоря!
 И глядят в меня игриво,
 Улыбаясь вдрабадан,
 Не погибшая Ирина,
 Не горящие года.

ОТ ХАРЬКОВА ДО ЛЬГОВА

Все скошено.
 Все убрано.
 Все вспахано.
 И первый снег

Летит на зимний путь.
А в поле скирды -
Серыми папахами
Сквозь завереть,
Сквозь снежную крупу.
И вот тогда,
Не помню точно дату,
Вдруг оживали
Кринки и горшки,
И собирались
С шумом в нашу хату
Поесть, попить, помыслить
Мужики.
От ламп многолинейных -
Что от солнца!
Вдруг запевали,
Руку козырьком,
Припомнив то «зеленых»,
То махновцев,
То белых
И червонных казаков!
Ну сколько их,
А будто - вся Россия!
И голоса плывут
За край небес.
Душе в самой себе
Невыносимо,
Когда вот так -
О вечном, о себе:
Про атаманов,
Вольницу и Польшу...
И обмирало все -
Не шевелись!
И хата становилась больше, больше,
И вот уж - степь:
Подковы. Сабель свист!
И все. Конец!
Валясь в седле, чуть набок,
Ловлю я воздуха
Упругий ток...
И прихожу в себя .
Хлопочут бабы.
Кладут на раскаленный лоб
Платок...
Глаза открою,
Первое, что помню -
Такая тишина. И пустота.
Лампадный свет.

Георгий на иконе
Глядит в меня -
Особенно. Не так.
Ах, детство, детство!
Чувственность. Безбрежность.
От лампы свет
Лежит, как желтый сноп.
А там - зима
С блаженством белоснежным:
С салазками. С блинами.
С чистым сном...
Луга. Луга.
Зеленые стрекозы.
Граница - Ворскла.
Тихая река.
На зорьке ранней,
Над землей колхоза -
Невиданного цвета облака!
И детским сердцем,
Пристальным и метким,
Я утонул
В той синей полынье...
И этот свет
Останется навеки
В моей душе
И в нежности моей.
У сельсовета -
Фондовские кони.
Вдруг - молнии
Стремительный палаш!
И образ ветра
Сел на подоконник:
Чужой.
Тревожный ветер был.
Не наш.
И тихо сполз.
Не рвался -
Только шаркал.
Потом прошел по вишням,
По копне.
И сложно стало,
Холодно.
И жарко.
И стало весело
И беспокойно мне.
А ветер дул уже
Туда, где папа
Нас будет ждать.

Июнь. Вокзал. Пути.
Я слышу песню
О больших этапах,
О бронепоезде
И запасном пути.
Подходит поезд.
Папа наш влюбленный
Рывком подхватит на руки меня!
И музыка
О солнце утомленном
Зальет вторую половину дня...
Постой, состав!
Куда мы? Так мне жарко.
Читает мама,
Что там пишут ей...
Но дым несло.
И поезд шел на Харьков
По Северо-Донецкой колее...
Поклон семье
Поклон родному дому -
Сухой земле,
Где прежде дом стоял,
Где под окошком
В вишнях
Птичий гомон
Живой
Живая слушала семья.
И у сарая
Вороной и сивый -
Еще я слышу -
Хрумят траву -
На долгий путь
Накапливая силы,
На светлый путь,
На новую главу...
Приветствую тебя,
Грядущий стресс!
Но ты не торопи на взлете резком.
Не так легко
Подросткам и подлескам
Вписаться в удушающий «прогресс».
Я приласкал в себе
Тех лет вину,
Чтоб отличить
Реальность от бумаги.
Глаза закрою,
Гляну в глубину -
Какие страшные

Закруты и зигзаги!
 Мы - это поколение.
 В нас война.
 А человек -
 Слезами, кровью, снами
 Вкипевший в землю,
 Что ему дана,
 В больной судьбе
 Едва ли управляем.
 О памятном,
 О тяжком том, что было,
 Поведать как?
 Боимся рассказать
 О тяжких временах
 Войны и тыла,
 Когда на спусках
 Рвались тормоза?...
 Не ищет тот,
 Кто не терял.
 Не ищет
 Ни Родины,
 Ни чести, ни семьи.
 Но нам-то надо жить
 Светлей и чище.
 Уходим мы,
 Родимые мои...

 Ах, дорога-дорога,
 Судьбы перекрестное эхо!
 Не отстать, не устать,
 Не свернуть на последний поклон.
 Под зеленой звездой
 Отдохнуть бы,
 Под скорбною вехой...
 Да на полном ходу
 Размотало состав под уклон.
 Нет! Я понял тогда -
 Нет, ребята, ни смерти, ни лиха,
 Нет больше и горше
 Судьбы, что досталась для нас!
 А я слышу -
 То громко, то тихо
 Лязг колес эшелонных,
 Сбивающий наземь фугас.
 Там. Тогда состоялось
 Братание с вами земное.
 С той поры
 Безраздельно

Живет во мне слава и грусть.
 Я еще не убит.
 И последнее слово за мною:
 С вечной скорбью о вас
 На последний бросок поднимусь.
 Понимаете, братцы,
 Порою мне невыносимо.
 Просто крикнуть бы:
 «Здесь я,
 Представитель барвенковских рот!»
 Но забьет и задавит
 Тоской полевой негасимой:
 Ни слезинки, ни крика.
 Лишь от судорог корчится рот.
 Мне по возрасту
 Для «дегтярева»
 Не выпало права.
 В сорок первом году,
 На закате, по отчим местам
 Шли солдаты по осени.
 Медленно.
 В вечные травы,
 В мою память и в совесть,
 Присягу мою и устав.
 Я умру за Россию.
 Под Орлом ли,
 Под Оршей,
 В Тагиле -
 Я дышал для нее.
 Напряженно и яростно жил!
 Схороните меня,
 Как положено,
 В братской могиле,
 Чтоб июльское поле
 Мне звенело
 Колосьями ржи.

ДОЖДЬ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Низкое небо.
 Подводы.
 Ночь. Непокой. Неуют.
 Дождь сорок первого года
 Падает в память мою.
 Медленно.
 Косо.
 Отвесно.

Кажется –
 Вечность шуршит
 Каплями будущих песен
 В детское поле души.
 Будто бы хочет впечатать
 Все, что кончается здесь:
 Неповторимость печалей,
 Неповторимость дождей.
 Неповторимое детство –
 Этот мгновенный пролог,
 Зная,
 Как долго мне греться
 Памятью этих дорог.

1941

Ни седоков,
 Ни окриков погони –
 Видений бег?
 Сквозь лунный хуторок
 В ночное поле
 Скачут,
 Скачут кони
 В ночное поле.
 В призрачность дорог.
 Вбирает даль,
 Распахнутая настезь,
 Безумный бег,
 Срывающийся всхлип.
 Им несть числа!
 Ночной единой масти
 Исход коней
 С трагической земли.
 Багровый свет –
 То знаменье иль знамя?
 Предвестный свет
 Грядущего огня...
 Я жив еще
 И до конца не знаю,
 Как это все
 Пройдет через меня.

* * *

Мне шел одиннадцатый год,
 И не моя вина,

Что не дошел он – что его
 Оборвала война.
 Слепой, истошный вопль в овсе –
 Шли танки с трех сторон
 Давили, били, рвали всех
 Без всяких похорон.
 На равных
 Бой
 И крик - ура!
 Багряный след в овсе...
 И на смерть бил, как били все.
 И пропадал - как все:
 Стреляю. Плачу. Кровь в зрачок.
 Бью в башни, по крестам.
 Но под разъездом Казачок –
 От пули в бок
 Устал.
 Устал... Усталости конец –
 Убитых братьев зов.
 И пил в одиннадцать сырец,
 С багровою слезой.
 Мне говорят:
 «В стихах не плачь!»
 И сразу вижу их:
 Идет со шмайссером
 Палач...
 «Их шиссен» - не живи!»
 А я живу. Назло врагу,
 Безликости назло.
 Где плохо – плачу,
 Не могу,
 Пред павшими в долгу.
 За каждый город и село,
 За каждую семью –
 В лицо запретчикам смеюсь
 За всех, кого смело.
 Я вправе говорить за всех,
 За всю «братву-славян»!
 Кто, ворогу кадык сломя,
 Шел под Анадырь
 В снег.
 Пришел или остался там
 Без почестей и дат.
 И честь, и память их свята –
 Я сам из тех солдат.

КОРОВА

Дым ползет от хвороста сырого,
 Виснет на кустах невдалеке.
 Бабкина пятнистая корова
 Тащит в дождь меня на поводке.
 Листика коричневого орден
 Прилепился на ее губу,
 И слезинки катятся по морде
 За мою сиротскую судьбу.
 Я гляжу надуманно-сурово
 И в который раз, кривя душой,
 Говорю ей: «Ты не плачь, корова,
 Ты не плачь... Я вырасту большой!
 И тогда ходить тебе не надо,
 В вымокшее поле глаз кося,
 Да и мне в колдобинах не падать,
 В сапогах солдатских грязь меся».

* * *

Я не знаю
 Судьбы бесприданнее.
 Но запахнет травой в укос!..
 Ах душа, не зови
 В поле дальнее,
 Где так нежно,
 Так горько жилось.
 Где то было:
 Певали по вечеру
 О замерзшем в степи ямщике.
 И лошадины губы доверчиво
 На моей замирали щеке.
 Все пропало.
 Вдруг лязгнули траками,
 Рухнул храм.
 Пала пыль по росе.
 И пошла моя жизнь буераками,
 Резко взяв стороной от шоссе.
 Сколько лет было лютых и снежных!
 Но едва лишь забьется «ку-ку» –
 Пробуждается тихая нежность
 Стебельком яровым на току.
 Край полей,
 Сторона аномалий,

Полюбил я печаль и вину –
 Все, что женщины вдруг понимали,
 В полыньи моих глаз заглянув.
 Что прошел с той поры,
 Что проехал...
 Но с полей
 Тишины и войны
 Все зовет меня
 Черное эхо
 В две,
 Навек болевых
 Стороны.

* * *

Только вспыхнет где-то,
 Дым метнув степной...
 Кажется, что это -
 Виденное мной.
 В рамы бьет оконные
 С ветром снег, сипя.
 И солдаты - конные -
 Прямо в седлах спят.
 Едут не на запад,
 А пока назад.
 Йода стойкий запах,
 Дыма цвет в глазах.
 Всех теперь в отряды,
 Всех война свела,
 И бегу я рядом
 До конца села -
 Был в солдатских валенках
 Ростом не по мне.
 ...Я остался маленьким
 Где-то на войне.

* * *

Не виноват, что нет тебя,
 Мое родное захолустье.
 Ты помнишь, я из тех ребят,
 О ком темнело небо грустью.
 Ты помнишь - плачущих навзрыд!
 Пришла беда - ворота настужь.
 Я шел в ненастья той поры,
 Когда страна была в ненастье

С коротким именем -
 Война.
 И я -
 Под бомбами,
 За мамой
 Кричал в пространство:
 «Отче наш!»
 Но отче
 Изгнан был из храма.
 Ползли не русские кресты.
 Глотали танки жизнь и версты...
 И потому меня прости,
 Когда завидовал я мертвым.
 Когда, казалось, сокрушен
 Несокрушимый дух России -
 Я припадал к земле душой
 И болью
 Вечно негасимой.

БРАТЯ

Ночь. Ракеты.
 Бомбежки и мины.
 Перелетные трассы шальных.
 Может, в чем-то мы были повинны
 За одиннадцать лет до войны?
 Разве тем,
 Что нас конница мчала
 В предвоенном
 Ребятчем бою
 К грозovým неизбежным началам
 Сквозь романтику
 Песенных вьюг?
 Разметало сиротские рати
 По развалам родимой земли.
 Может быть,
 Вы откликнетесь, братья,
 С кем я голод замерзший делил?
 За надежды,
 Что были до мая,
 За погибших
 И выживших нас
 До конца пронесу,
 Не снимая,
 Окровавленных дней ордена.
 Бей сильнее,
 Неистовей,

Память!
 Все равно я
 На зов твой
 Приду
 В ту страну,
 Что лежит за холмами,
 В октябре,
 В сорок первом году.

ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДИК

Запылит мне в глаза
 И поедет куда-то, поедет
 В край зеленого цвета
 Мечта, отпустив тормоза!
 Вот – сидит мое сердце,
 Как плюшевый старый медведик,
 И стеклянные слезы
 Застыли в стеклянных глазах.
 А горячие ветры тяжелые –
 Ближе и ближе.
 И вокзал
 Известковою пылью еще не забит.
 Я беззвучно кричу:
 «Заберите скорей ребятишек,
 Пока звезды еще
 Не коснулись фугасом земли!»
 И подхватят меня
 Чьи-то сильные руки подмышки,
 Одного из печально
 Поющих твоих сыновей.
 И ударит мне колокол
 В огненный путь у Хотмыжска.
 И пройду этот путь,
 Не успев исцелиться навек...
 В утро, в тихие травы
 В колокольчики радуга брызнет.
 И сожмется душа моя
 Отзвуком далей лесных –
 Улыбаются дети!..
 Светлейшие сны моей жизни.
 И боюсь шевельнуться:
 Сидят во мне черные сны.

БЕЖЕНЦЫ

Деревья
 Ветры обмели.

Машинам мокрым голосуя,
 Застыли одиночки лип.
 Дожди плетутся в даль косую.
 Я помню -
 Вот такой же день,
 Тянулись беженцев обозы
 Через разьеженную озимь
 В тревогу мокрых деревень.
 Под этим небом,
 В этом поле
 Кому кричать?!
 Мы все равны,
 Едины и судьбой и болью.
 Уже кочует полстраны.
 И где конец,
 И где тепло -
 Ответа нет.
 Одни вопросы...
 И нас уносит под уклон,
 Как эшелон
 Без паровоза.

* * *

Лунно. Полночь. Луга.
 Дремлют кони.
 Костерок дымовой на лугу...
 Так хочу
 Это видеть и помнить,
 И прощаясь,
 Забыть не могу.
 Только взглядом молю, призывая,
 Чтобы крик не испугнул:
 «Где же ты?!»
 Но в пыли и в дыму Лозовая.
 И себя не узнать сквозь бинты.
 Подмените меня, замените.
 Поезда на горящих путях.
 В поднебесье
 Разрывы зениток –
 Словно белые шапки летят.
 Жгут стопы
 Раскаленные сходни.
 Дальше - поздно.
 За насыпью - пост.
 И горит меж былым и сегодня
 Перебитыми крыльями
 Мост.

ПЕХОТА

Снежит, дорожки заметая!
 Гляжу в себя –
 Не тот уж пыл:
 За полстолетия скитанья
 О многом, думалось, забыл.
 Когда бродил босым по полю?
 Глядел в полночь у крыльца?..
 Но есть такое,
 Что я помню
 И буду помнить до конца:
 За сто шагов до поворота,
 Где Ворскла делает дугу,
 Далекой осенью
 Пехота
 С землей
 Смешалась на бегу.
 И стала тихой и свободной,
 Уйдя в прилужья и поля
 Сырой земли
 С преградой водной
 У деревеньки Тополя.
 Подбило память серой льдиной:
 Я не хозяин здесь, не гость.
 За все-про все –
 Надел родимой,
 Земли моей
 Досталась горсть.

* * *

Дым над осенью,
 Резкий и синий.
 Едкой гарью
 Октябрь напоен.
 Дым. И дождь
 По военной России,
 Проникающий в сердце мое.
 Дождь:
 По горьким солдатским усмешкам,
 По глазам,
 По стальному стволу.
 Догорают избы головешки.
 А над полем – кувшин на колу...
 Кони. Кони.

Блестят, как тюлени.
 Где-то справа машины гудят.
 Прикрываю руками колени,
 Меж лопаток –
 Мурашки дождя.
 Я не знаю, зачем,
 Но запомню:
 Что-то слышно
 В недалней пальбе.
 Что-то думают мокрые кони
 О своей
 И о нашей судьбе.
 Начинается новая эра,
 Отсекая дороги назад.
 Я рождаюсь вот здесь,
 В сорок первом –
 Мертвым сверстникам
 Глядя в глаза.

* * *

Боль безъязыкой
 Не была.
 Умеющему слышать – проще:
 Когда молчат колокола,
 Я слышу звон
 Осенней рощи.
 Я помню –
 В зареве костра
 Гортанные чужие речи,
 Что миром будет
 Править страх,
 Сердца и души искалечив.
 Так будет длиться –
 К году год,
 Чтоб сердце праведное
 Сжалось.
 Любовь
 Навечно отомрет
 И предрассудком
 Станет жалость...
 Но дух мой верил
 В высший суд!
 Я сам творил
 Тот суд посылно,
 Чтоб смертный
 Приговор отцу

Не подписать
 Рукою сына.

ИРИНА

Полстолетья кружится
 Граната волчком.
 Ты упала
 На жесткую наледь
 Ничком
 В сорок третьем,
 Весной
 Меж гранатой и мной...

АВГУСТ

Медленно падает
 В землю крестом колокольня.
 Падает вечность
 На белые лица солдат.
 Огненным было
 В том августе
 Небо и поле.
 Красные травы.
 И красная в речке вода.
 Тем, кто останется,
 Будут иные рассветы.
 В тех, кто уходит,
 Поняття уже смещены.
 Жизнь, что за болью,
 Теперь непонятного цвета:
 Августа,
 Смерти,
 Пожара,
 Ночей
 И войны.
 Я не ушел.
 Но в сегодняшнем
 Мире великом
 Вдруг задохнусь
 Давним августом
 В красной пыли
 И закричу,
 Раздираемый сотнями криков
 Тех, что живыми
 Сквозь август
 Пройти не смогли.

* * *

Для кого и зачем
 Из сегодня,
 Спотыкаясь
 О память и явь,
 Я бегу
 Под горящую Готню
 По разбитым
 Осенним полям?
 Через смерть,
 Через сжавшийся ужас...
 Может, где-то
 Не все сожжено.
 Может, снова кому-то я нужен
 С индпакетом,
 С краюхой ржаной...
 Обгоревшее
 Детское счастье!
 Батарейный накатистый гул.
 Строевые сибирские части
 С чернотой
 Запекшихся губ.
 Отболели
 И зажили раны.
 И не пахнет
 Нагаром в стволе.
 Но дымится
 Земля под ногами –
 Десять лет,
 Двадцать лет,
 Сорок лет.

* * *

Подрывались.
 Пропадали.
 Стыли.
 Многих ветер в поле отпевал.
 Даже до жестокости простые
 Жизни той не выразят слова.
 Жил и я.
 Страдал,
 Как все живое.
 И осталась

Память той беды –
 Был заснят
 С огромной головою,
 А в руке –
 Букетик лебеды.
 Сверстники мои!
 Мы входим
 В чашу
 Тех снегов,
 Что заметут виски.
 Но о наших
 Судьбах преходящих
 У живых
 Не может быть тоски.
 Мы пройдем.
 И никуда не деться.
 Как травой обочинной –
 Пыльца.
 От того,
 Что называют детством,
 Сохраним
 Бессмертные сердца.
 Ранний свет,
 Глубинный свет печали –
 Молчаливый
 Призрак наших лиц.
 Мы еще свое не открычали.
 Мы еще своих не дозволись.

* * *

Дымя,
 Мимо изб,
 Мимо пашен
 Раскатно
 Грохочет состав!
 А юность
 Мне машет и машет,
 Тревожно
 На цыпочки встав.
 В бушлате,
 Худая-худая,
 Как в послевоенном селе.
 Наверное, знает – куда я,
 Глядит обреченно вослед.
 Бомбежки,
 Составы,

Облавы
 В жестоком остались былом.
 Когда же ты, жизнь,
 Миновала,
 Со всем, что сбивало и жгло?!
 По сердцу –
 Скребущие звуки.
 Постой!
 Обернись в пол-лица...
 Скажи мне,
 Что этой разлуке
 Не будет. Не будет конца!
 Скажи!
 Я могу возвратиться!
 Хотя бы ладонь подыми!
 Но поезд –
 Ах, черная птица!..
 Крылато качает дымы.

* * *

Как трудно уходить
 Из той поры:
 Открыл окно –
 И в спелый дождь –
 Руками!
 За садом звезды,
 Что твои костры.
 Какое счастье
 В этой жизни –
 Память!
 Давным-давно
 Не тот уж
 Блеск в глазах.
 И мир не тот –
 От яви до преданий.
 А я и сотой доли не сказал
 О том, что слышу,
 К полю припадая.
 Здесь, на земле
 Случилось это все:
 Ни ты меня,
 Ни я тебя не бросил.
 Но мертвый ветер
 Разоренных сел
 Нам не оставил
 Ни руля, ни весел.

Холодные,
 Голодные года
 Сменили грохот
 Тола и металла.
 И вышло так,
 Что вдруг и навсегда
 Нас по Отчизне горькой
 Разметало.
 И мы с тобой
 Такие не одни.
 Ты говорила:
 «Если выйти в поле,
 То будет слышно,
 Как летит над ним
 Молчанье душ,
 Запекшихся от боли».

* * *

Разметало
 Сиротские рати
 По разломам
 Военной земли.
 Никогда
 Не собратья нам,
 Братья.
 Лиховеи наш путь замели.
 За надежды,
 Что были до мая,
 За убитых
 И проклятых нас –
 До конца пронесу,
 Не снимая,
 Окровавленных
 Дней ордена.
 Бей сильнее,
 Неистойей,
 Память!
 Все равно
 Я на зов твой приду
 В ту страну,
 Что лежит за холмами
 В октябре
 В сорок первом году.

* * *

Что случилось,
Молодость,
С тобою?
Говори
И не щади меня.
Расстреляв последнюю обойму,
Почему не вышла из огня?
Почему,
Взрывая крепость быта,
В сердце бьют
Обугленные дни?
Сколько мы оставили убитых,
Так и не успев
Похоронить!
Поле, поле...
Поле не пустое.
Я до самой смерти
Пронесу –
Жители,
Спешившие на стоны,
Псов голодных
Видели в лесу.
Я поверю
Снам и ворожеям.
Молодость,
У скорбного села
Почему осталась в окруженье
И ко мне
Пробиться не смогла?!
Вспомню – плачу.
Не могу.
Нет власти:
Слышу,
Вижу,
Как идут бои.
На бегу
Редеющие части –
Годы отходящие мои.

* * *

Когда первый мороз
Опушит
Тополя чистым мехом,
Кто-то в окна стучит

И зовет,
 И ответ мне дает:
 «Это я,
 Твое имя,
 Пропавшее без вести
 Эхо,
 Перекатная голь,
 Беспризорное детство твое».
 И туда обернусь,
 И сюда погляжу:
 Как ты? Где ты?
 Я же сам очевидец:
 Ты убито...
 Ахтырка... Бои...
 А на темном стекле
 Обнаженно,
 До резкого света:
 Ирреальная явь,
 Темно-красные слезы мои.

ОГНЕВАЯ СТРАНА

Забери меня, память,
 Домой пусти,
 К тем дымам,
 Что гуляли в овсе.
 Огневая страна моей юности,
 Ты во мне –
 Навсегда, насовсем.
 Обними меня
 Давними стужами,
 Чтоб не смог я
 Уйти никуда!
 Слепленный тобой
 И контуженный,
 Не в свои
 Завернул я года.
 Ни огня.
 Ни окопа.
 Ни выстрела.
 Раскаленный
 Подай карабин!
 И дождями
 Бинты мои выстирай,
 Забери ты меня,
 Не губи.
 Что ж ты, Родина,

Что же ты,
 Что же ты?..
 Никогда я не бил наугад.
 Я по крику,
 По хрипу,
 По шепоту
 Различу
 Своего
 И врага.

* * *

Война началась на рассвете –
 По замыслам, по скоростям!
 Все игрища взрослых
 На свете
 Проходят по детским костям.
 За пайку, за клику, за имя,
 За верность идейных отцов
 Мы трижды убиты
 Своими
 И дважды –
 Нацистским свинцом.
 Нас гваздали будни и беды
 И лозунгов диких вранье
 За множество лет до Победы
 И столько же – после нее.
 Без слов, без гранат, без атаки,
 Вслепую – какая там связь! –
 Бежали под бомбы и танки,
 Горящей землей становясь.
 Над нами
 По росту, по ГОСТу
 Шеренги чеканят шаги.
 Живых вопрошают погосты:
 «Россия! Над нами – враги?
 Чья форма на них, чьи медали?
 Не видно сквозь тяжесть земли...
 Скажи, чтобы здесь не топтали.
 Скажи, чтобы в нас не плевали.
 Мы сделали все, что могли.

* * *

Живых из живых
 Вырывали без списков осколки.
 И вечностью было —
 До третьих дожить кочетов.
 Мы шли в неизвестность
 На год, на мгновенье, на сколько?
 Живые с убитых
 Срывали в дорогу кто что.
 В большом лихоее
 Достаточно малого блага:
 Ладони в колени,
 Свернуться, в скирду завалясь.
 И грела живого
 Пробитая пулей телага,
 Так нынче - уверен —
 Не греют тузов соболя.
 И снилась не бойня,
 Не трасс пулеметных качели:
 Мне - кони с цветами в зубах,
 Их несла половодьем весна.
 О сколько ж их было
 В судьбе моей,
 Страшных кочевий!
 И видевших сны,
 И не вставших из вечного сна...

НА ВЕТЕР, НА ОСЕНЬ

На ветер, на осень
 Развевало выстрелов залпы.
 Могила и каска -
 В октябрьском дожде,
 Как в росе.
 Колонна уходит
 Вторым эшелонем на запад,
 А ты остаешься...
 В нейтральной тогда полосе.
 Не слепишь игрушек
 Из глины окопной — на взгорье,
 Невесть для кого
 Их в пустое поставив окно.
 Не выпьешь из кружки
 Сырцовую мутную горечь,
 Как коркой, занюхав
 Потертым шинельным сукном.
 Но кто-то, когда-то,

Друзья фронтовые, солдаты,
 Присядут и выпьют,
 Без слов, без боев и побед,
 И тихо прошепчут:
 «За всех –
 До конца не дошедших,
 За позднюю славу
 И вечную память –
 Себе».

ЛИСТВЕННЫЙ КРАЙ МОЙ

В серых глубинах - стога.
 За стогами - просторы.
 Рвется душа на просторы,
 Ей хочется петь!
 Черного неба
 Гигантский распластанный ворон.
 Не укради меня, ворон,
 У этих степей!
 Все холоднее.
 И травы - еще серебристей.
 Кровь ли густая,
 Тяжелый ли ветер гудит.
 Падают в землю -
 Пока еще первые листья,
 Чтоб отдохнуть от дорог,
 Что лежат позади.
 Лист непослушный,
 Зачем ты срываешься с ветки?
 Нужно со всеми!
 Зачем же ты... сам по себе.
 Первые листья -
 Вы птицы под выстрелом метким.
 Все, как у нас,
 В человеческой сложной судьбе.
 Лиственный край мой,
 Печальный и светлый, как осень,
 Я и сейчас
 На твоём рубеже роковом.
 Родина пашен
 И павших в стальные заносы –
 Ты мне все машешь и машешь
 Пустым рукавом.

* * *

Что было езжено,
 Что было пожито,
 Водюю вешнею
 Метнуло по желтью.
 О чем страдать уже,
 Зачем, печальница?
 Горит- горит в душе
 И не кончается...
 На травы волглые
 Какой уж снег летит!
 Такая долгая
 Любовь у памяти.
 Не потревожат степь потерь
 Гудками сизыми -
 Все эшелоны те
 Давно уж списаны.
 Не жди вихрастого
 Мальчишку-воина...
 Одна ветла стоит
 Пристанционная.

* * *

Сторона моя
 В дальней пороше,
 Ветер бешеный,
 Бьющий, как плеть!
 Для кого мне,
 Жалея о прошлом,
 В настоящем себя не жалеть?
 Хлеб мой горький -
 Дорожный мой камень.
 Озверелый прищур амбразур.
 Почему
 Пропылившее в память
 Так легко
 И так тяжко несую?
 Сторона ты моя
 В поле белом!
 За тебя,
 Разоренный уют,
 Наливаю стакан до предела,
 Через край - за разлуку свою.
 За живых,

За погибших когда-то,
 Ставших пеплом
 В пожарищах битв...
 Да, мне жаль,
 Что я не был солдатом.
 Да,
 Мне жаль,
 Что я не был убит.

ХЛЕБ

Поле,
 Полюшко послевоенное...
 Как ни бейся,
 Как слезы ни лей,
 Тоших речек
 Иссохшими венами
 Не могли
 Напоить
 Мы полей.
 Век от веку,
 Родные,
 Как водится,
 Вам нельзя
 Уставать и болеть!
 Дорогие мои богородицы,
 Берегини российских полей...
 Слезы вдовьи
 Везде одинаковы.
 Но тогда,
 Когда бился народ,
 Вы по-русски,
 Особенно плакали,
 На сто лет выгорая вперед.
 Шаг за шагом,
 Без крика-безумия
 На валеке налегали вдвоем...
 До сих пор
 Под железными зубьями
 Разбивается сердце мое.
 Бороздою
 И пристяжкой пройдено -
 Тот не знает,
 Кому не пришлось.
 Не познав
 Родословную Родины,
 Не поймешь
 Родословную слез.

* * *

Я вглядываюсь в будни
Той поры.
Открыл глаза -
И в спелый дождь руками...
Над садом звезды -
Что твои костры!
Какое счастье в этой жизни -
Память.
В большой судьбе
Случилось это все.
Ни ты меня,
Ни я тебя не бросил.
Кого винить,
Что ветер тощих сел
Нам не оставил
Ни руля, ни весел.
Тифозные,
Голодные года
Сменили грохот
Тола и металла.
Собрав в семье
Губительную дань,
Нас по земле родимой
Разметало.
И мы с тобой
Такие не одни.
Ты говорила -
Если выйти в поле,
То будет слышно,
Как летит над ним
Молчанье душ,
Запекшихся от боли.
Пройдут года.
Останется не все.
Сотрется след
Непоправимых бедствий.
Какой же силы
Запах русских сел -
Родимое,
Не выцветшее детство.
Того, что было,
Не могу забыть.
Я здесь -
Как тень
На этих голых стенах.
Единственно и жив
Теплом избы,

В тот страшный год
 Пошедшей за бесценок.
 Я все такой же
 Сын родных степей -
 С тяжелым хлебом,
 Вечным ожиданьем.
 Но я и сотой доли
 Не пропел
 Того, что слышу,
 К полю припадая.

ТВОЕЙ ЧАСТИЦЕЮ

Я не был
 Беспокоен или тих.
 Жил напряженно,
 Тяжело и сложно.
 Как дирижер -
 От каждой ноты ложной
 Я задыхался, Родина.
 Прости.
 Прости меня.
 Иначе я не мог.
 Я - как слепой
 Вставал на поле боя.
 Не страх
 Бросал вперед меня.
 Не долг,
 А невозможность
 Не дышать тобою.
 Мне важно - где
 И важно - как умру!
 Душа моя вольна,
 Как в небе птица.
 Оттуда я,
 Где предок шел за Русь,
 Забыв перед резней перекреститься.
 Я знаю все огни
 И холода.
 Сдыхал в тифу.
 И не был лишь инертным.
 Не славу дай -
 Ты
 Умереть мне дай,
 Чтоб стать
 Твоей частицею
 Посмертно.

ГОЛОВЧАНСКИЕ ЛЕСА

Сторона моя
 Уронная,
 До смерти родимая,
 Грайворонского района
 И села - Ведилина!
 До чего без вас
 Несчастен я -
 Ни сказать,
 Ни написать...
 Сенокосы головчанские,
 Головчанские леса.
 Что еще больнее, если
 Сердце выпало в строку!
 Предвоенная и песенная
 Сنيшься старику.
 Закружи меня у стремени,
 Глухая полынья,
 И горелая,
 И стреляная
 Родина моя...
 Сколько голодом сморило,
 Да войной ухлопали!
 Память
 Птицей сизокрылой
 Стонет во поле.

* * *

Раздумья, раздумья...
 Вкипели - не вырви, ни выкинь.
 Живьем по живому
 Упали в глубины души.
 Сожженные избы -
 Как будто Руси горемыки
 Сошлись и застыли,
 На посохи лет опершись.
 Сиж у окна.
 И гляжу в облаковую завязь.
 А мысли - совсем не о том,
 Что сейчас на виду...
 Повеяло детством
 И болью.
 И вдруг показалось -

Какими путями!
 Метелица...
 В мертвом саду.
 Воронки ровняла
 Равнинною беглою мретью.
 И в сердце вгоняла
 Не грустный, а яростный вой.
 Крутая, февральская,
 С запахом тем,
 В сорок третьем:
 И пахло свободой
 И смертью
 У передовой.
 Сжигали мне легкие яростью
 Север и запад.
 Но там, в сорок третьем -
 В нем правда, свобода,
 Мой суд.
 И воли, и чести
 Метельный отечества запах
 До смертного часа
 В душе болевой пронесу.

* * *

Не тобой
 Я единственно болен.
 Отдышал ураганом стальным.
 Дай мне мужества,
 Детское поле,
 До родимой дойти стороны!
 Подними меня,
 Юности птица,
 Над простором,
 Что мною воспет,
 Чтобы мог я с разгону разбиться
 На земле, где родился на свет.
 Захлебнуться тем давним,
 Что было,
 Раз единственный
 Счастьем вздурев,
 В той земле
 Прорасти чернобылом
 Среди серых крестов на бугре.

ХОДИКИ

Вперед, мои ходики.
 Тикайте, верные ходики.
 Прошла семилетка, другая...
 Кукушка: ку-ку.
 Прошло изобилие.
 Вышли в герои угодники.
 Чего не пришлось повидать нам
 На этом веку!
 Прожил так, как надо.
 И сверху не ждал перемены.
 Когда на подъемах гудели
 Поджилки мои -
 Считали поэты за строчки рубли,
 Как бармены,
 И лирики скромные
 Шли к холуям в холуи.
 По всем тупикам-лабиринтам, судьба,
 Мы протопали.
 Душа разрывалась,
 Но... дебри покоя - извне.
 И бешеным чертом
 Кружил я в пылающем во поле,
 По самой - по саменькой
 Жал по его крутизне.
 Сиротской, военной дорогой
 Бежал по заснежью я,
 На тяжкий свой крест
 Восходил по босяцкой стезе.
 Враги не добились.
 Ты слышишь меня,
 Моя нежная?
 Молитвой своей защити
 От судей-лжедрузей.
 Ро-ди-менькая...
 Над чужими мне землями дальними
 По детскому полю
 Дыханье
 Холстом простели...
 Знамена гудят.
 Ослепляет сиянье медальное.
 К земле припаду -
 Там увечно гремят костыли.
 В чем счастье земное?
 Не в том ли, чтоб прошлое помнить?
 Стою вот теперь,

В перекрестьях морщинок лицо.
 Во взгляде,
 Еще удивленно распахнутом в полночь,
 Огни батарей,
 Поездов, пересылок, лесов.

ПЫЛАЮЩАЯ ПАМЯТЬ

Я хочу это знать,
 Чтоб до смерти успеть разобраться:
 Здесь хрипел раскаленно,
 Бил, взхлеб заходясь, пулемет.
 Здесь оно начиналось,
 Мое кровное, крестное братство,
 Что годам не подвластно,
 Со смертью моей не умрет.
 Что подумает мать
 И жена, потерявшая мужа,
 Что подумает та,
 Что живет – ни вдовой, ни женой?
 И летит мое сердце,
 Опрокинуто памятью в ужас:
 И любовью, и болью
 С той поры с двух сторон сожжено.
 Ты откликнись мне, пашня,
 Какая ты в дождь голубая!
 И река
 С поплавками излетной листвы,
 Отзовись:
 Не кощунствую ль я,
 Оставаясь в живых, улыбаясь
 Здесь, где каждая травка,
 Пылинка –
 В солдатской крови?..
 Как другим – я не знаю.
 Ты слышишь меня?
 Я не знаю!
 И солдат, и поэт...
 А поэт – не закон для других.
 Мне по силам –
 До смерти нести расчехленное знамя.
 Как с пылающей памятью жить мне?
 Земля, помоги.

ПО СОЛДАТСКОМУ ДОЛГУ –
 ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ
 (Песня)

Передумал я дум
 О себе, о друзьях,
 Но опять, чуть пройду,
 Указатель - нельзя!
 Но мне выпала доля -
 В огонь и дожди:
 Я по минному полю
 Учился ходить.
 От солдатских могил,
 От села до села,
 Как и многих других,
 Меня жизнь провела
 Через мертвые дни,
 Через танковый гул,
 И сегодня о них
 Я молчать не могу.
 Мы - военные дети.
 Мы знаем врага:
 Пулеметною плетью
 В лопатки стегал.
 По солдатскому долгу -
 Терновый венец,
 Шли в горящую Волгу
 И в красный Донец.
 Может, вам, может, маме,
 Может, в память отца,
 Над водой подымая
 В ладонях сердца,
 За солдатское братство,
 За вопли лачуг,
 Дайте право взорваться,
 Когда захочу!

* * *

Боль и правда -
 Заплата к заплате.
 С переломами давней вины
 Он живет во мне,
 Мальчик в бушлате,
 Напряженный,
 Как совесть войны.

* * *

В пилотке со звездой зеленой,
 В х/б, каленом, до бела,
 Я полз и плакал,
 В жизнь влюбленный,
 По роще, прахом запыленной, -
 Где рота смертная легла.
 Вошла луна,
 Роня блестки
 Холодных рос
 В горючесть слез.
 Я на последнем перекрестке
 Встаю сегодня
 В полный рост:
 Солдатом, зеком и поэтом
 При двух,
 В гражданском,
 Понятых.
 Я ад прожил на свете этом,
 А рай –
 Оставим для святых.

* * *

Мне не казалось -
 Все! Конец войне!
 Я знал душой:
 Такого не бывает.
 Замедленного действия
 Во мне
 Живет и бьется
 Память полевая.
 Так,
 Будто я убит не до конца.
 И где-то,
 Между вечностью и болью,
 Плывут в глаза мне
 Воды из Донца,
 И сердце давит
 Прохоровки поле.
 Дожди ли, слезы
 В глубине текут...
 В них не войти
 И не найти границы.
 Рванет однажды
 Память за чеку -
 И отболит,
 Что помнится и мнится.

* * *

Запах лет -
 Фронтовые шинели -
 В чутких душах
 Военных ребят.
 Мама наши
 И в снах нас жалели,
 Безутешную память любя.
 Изувеченным —
 Пепел да уголь.
 За бедой -
 Как за гиблой стеной.
 И бежала
 Декабрьская вьюга
 Сквозь погибель
 Печали степной.
 Как случилось -
 В лаптях или в бурках
 По стране не бродил за судьбой:
 Я бежал
 Сквозь декабрь не обутым,
 Чтобы чувствовать
 Лихо собой.
 Потому ль
 На «бетонном сегодня»
 И любить, и жалеть не устал,
 Что в дорогах,
 Холодных до звона,
 Грел мне душу
 Военный металл.

СУДЬБА ПОРОХОВАЯ

Еще ребят
 Не называли ветеранами...
 И День танкиста
 От души благословя,
 Без отстраненности,
 Вплотную были равными,
 Одной для всех
 Пороховой судьбой славян.
 Когда-нибудь
 К разъезду выйду и поеду
 Товарняком!
 Взметнется пыль из-под колес!

В страну далекую,
 Где делали Победу
 Для светлой радости
 И для тяжелых слез.
 Туда, туда,
 В родимую сторонку,
 Где я необходим,
 Как нежность и как суд!
 Ах, годы-годы...
 Еще будут похоронки.
 Живые письма
 От погибших принесут.
 Курили «Экстру» и «Катюшу»
 Мы подростками.
 В телагах черных
 Не страшились декаблей.
 И поразительно,
 В такие годы жесткие
 Сердца приветней были,
 Проще и добрей.

* * *

Брат погибший, прости.
 Друг живущий, прости.
 Так непросто мне
 Светлую песню нести!
 Все мне слышится шум,
 Все горят ковыли...
 Подожди, я прошу –
 Пусть душа отболит.
 Вместо птиц –
 Косяками
 В полночь трассы войны
 И в глаза затекают
 По Донцу пловуны.
 Слышу зуммеры раций
 В полевых проводах.
 И туда не добраться,
 И не выйти сюда...
 Годы. Годы –
 По сердцу стальная межа.
 А над ней –
 Воронье, воронье, воронье...
 Вот – листочки кружат.
 Вот – снежинки кружат
 Каруселью,
 Забытые в поле моем.

* * *

Сидел у окошка.
 Глядел в облаковую завязь.
 Вдруг мысли хлесть-на-хлесть
 Уродливым скользом по льду:
 Повеяло детством и ужасом,
 И показалась –
 Какими путями! –
 Метель в предвоенном саду...
 Прикрыла воронки
 Разгонною беглою мретью.
 И в сердце вернулся веселый,
 Не бомбовый гром!
 Но круто запахло
 Наркомовской пайкой и смертью
 И горькой победой
 Под Харьковом
 В сорок втором...
 Шагали, как беженцы, печи.
 Снега парусили.
 Багряные выстрелы,
 Словно бинты на ветру.
 И молча вставала
 Живая
 Над мертвой
 Россия,
 Чтоб в сердце моем согреться,
 Пока не умру.

* * *

Возвращусь я
 К порогу
 Родному –
 Но нету порога.
 Лишь веселая вьюга
 Гуляет в безлюдном селе.
 И погостам разбитым,
 И запаханым древним
 Дорогам
 Поклонюсь до земли,
 Что остались на мой юбилей!
 Ни колодца,
 Ни света вечернего
 В чистом оконце...
 И заплывится снег,
 Знаменуя
 Конец декабря.

Предо мною
 Большое
 И черное-черное солнце...
 Как тогда,
 В сорок первом,
 Над дорогой,
 Идущей на Брянск.

ВETERАНЫ

Братья страшной поры,
 Ветераны!
 Гляну в память –
 До спазм тяжело.
 Вы учили:
 «Опасны не раны,
 А сердца поразившая
 Ложь».
 Русь! Отечество!
 Рощи и доли.
 Белгородчина,
 Курск, Обоянь –
 Вы вошли в меня
 Сталью и толлом,
 Вырвав взрывом
 Из выдумки в явь.
 И осталось навек,
 Что когда-то
 Опалило жестоко меня,
 Ваша боль,
 Ваша совесть,
 Солдаты.
 До последнего
 Судного дня.

БЕССМЕРТНИК

Пыль свивается змейкой.
 Это ветер не спит,
 Все качает
 Бессмертник
 В раскаленной степи.
 А под нашу крышей
 Гнезда
 Ласточки вьют!
 Слышу, светлая,
 Слышу
 Молитву твою!

У глухого предместья –
 Где дымился
 Большак –
 Поднялась
 В поднебесье
 Черным взрывом
 Душа:
 Я и в тучке,
 И в птице,
 И в снегах,
 Что мели.
 Суждено мне
 Кружиться
 У этой земли.
 Даже столбик
 Не воткнул
 В могильный провал.
 Проросла
 Сквозь пилотку
 Бессмертник-трава.

КУРСК - ХАРЬКОВ

Ирреальность? Память боли?
 Голоса со всех сторон.
 Одуванчики во поле
 Разливают желтый звон?
 Но ни поля нет, ни луга!
 Не войти. Не отдохнуть.
 Зрелых дум былая выюга
 Кличет сердце в прежний путь.
 Задержаться б,
 Зацепиться!
 Но за что?
 За мертвый штиль?
 Поезда, повозки, лица...
 Рвется, плавится, дымится...
 Вьется пепельная пыль.
 Даже то, что после было -
 Песни, говор струн, вино -
 Отдалилось. Отступило.
 Мглой забвенья сметено.
 Будто я в тумане раннем
 От себя к себе иду
 По больным воспоминаньям -
 По тоненькому льду.

* * *

В воронках, у стенки,
 Во рвах, на холмах.
 У рябинки –
 По отчему краю
 Без вас не отыщешь версты:
 Могилы забвенья,
 Фанерные звездочки, бирки,
 Крест-накрест березы
 Да русские в поле кресты.
 Я ветры прошу,
 Ребятишкам шепчу:
 «Осторожно
 Касайтесь камней,
 Чернобокой ракиты и трав.
 Здесь – думы страны,
 Без чего вам прожить невозможно...»
 Взывающий к миру,
 Глаза застилает мне прах.
 Проходит сквозь ставни,
 Влетает в холодные сенцы.
 Разбиться-забиться,
 Не выкричать
 Лиха в лета.
 Так свято, так тяжело,
 Отчизна,
 Не знаю – как сердце
 Не ахнет фугасом,
 Вобрав твою боль
 И впитав.

* * *

Городам
 И околицам хрупким,
 И на север кричу,
 И на юг:
 «Заберите
 Меня на поруки -
 Не погибшую душу мою!
 Припадая к могилам и пашням,
 Отчитаюсь за каждый свой шаг!»
 Для живых
 И от имени павших
 Догорит
 Напряженно душа.

* * *

Снега и синицы!
 Живут же –
 Такими невинными!
 Раскинула черный
 Судьба надо мной парашют.
 Мне снится – не снится
 В полночь
 Луна над овинами.
 И я на коленях
 О чем-то
 Кого-то прошу...
 Снега и синицы!
 Живут же -
 Такими беспечными!
 Прости меня,
 Кто-то,
 За что – я не знаю –
 Прости.
 И дальше иду
 По годам
 И с годами заплечными:
 Не знал я, не ведал,
 Что память
 Так тяжело нести.
 Снега и синицы!
 Живут же такими веселыми!
 А я прохожу
 По размытой зыбучести дня.
 И яростно мерзну,
 Шагая горящими селами,
 И память
 Из прошлого
 Не отпускает меня...

* * *

Все заросло плакун-травой.
 Нет ни Информбюро,
 Ни ТАССа.
 Зачем же я сейчас живой,
 Зачем я с вами не остался?
 Ищу друзей
 На той войне.
 Здесь мир не мой.
 Страна другая.
 Мне страшно, братцы,

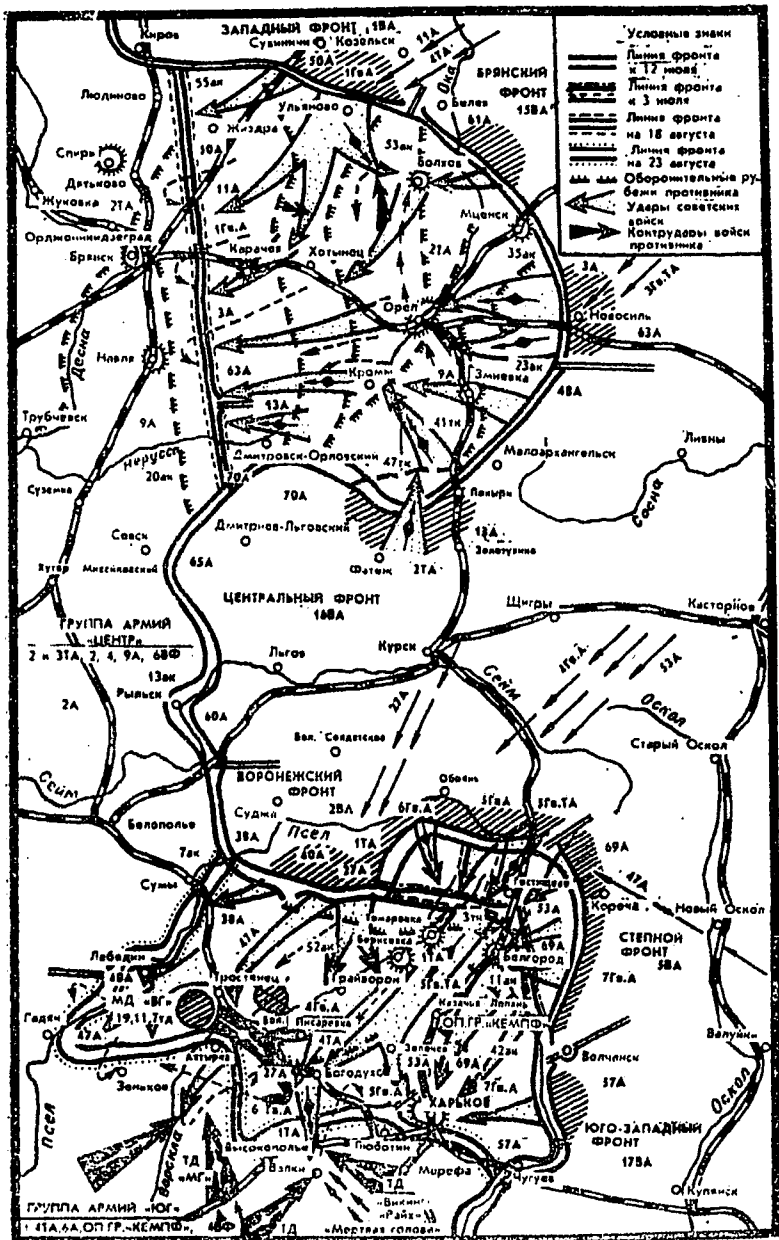
Пусто мне.
 Чужой я здесь
 До содроганья.
 Бегу – в огонь из-под огня.
 Пить! Пить... хочу...
 Красна водица!
 И понимаю – для меня
 Что умереть, что пробудиться.
 Приснилось мне,
 Что я живой.
 Рассвет был мрачен и прохладен.
 И ветер почты полевой
 По голове меня погладил...
 В каком году, в каком краю –
 Приговоренно, безысходно
 Средь павших без вести стою
 Один,
 Построенный повзводно.

1942

Харьков. Танки. Ночь. Основа.
 Под Мерейфой -
 Ад огня.
 Ветеран -
 Такого слова
 Нету в сердце у меня.
 Память, память...
 Коршун-птица.
 Какая нынче одиночек!
 Тянет сердце возвратиться
 До Победы на денек.
 Нет, не плачу я,
 Не плачу...
 Это там, в груди, в глуши
 Одиноко стонет кляча
 Дико загнанной души.

* * *

О чём я думаю,
 О чём?
 Что вот сейчас,
 Ломая тени,
 Ракета вырвется свечой
 И грохнет взорванная темень!
 И в крик мятущихся людей,

**Контрн наступление советских войск под Курском,
12 июля — 23 августа 1943 года.**

И в рёв пылающего зверя
 Окаменело мне глядеть,
 Иной реальности не веря.
 Туда, в пороховую ярь,
 Через поля и буераки
 Уходит молодость моя
 С душой,
 Намотанной на траки.
 Я не оправился от ран.
 И нету места мне в грядущем.
 Ищу среди ветров и трав
 Не похороненную душу.

СОЛДАТАМ РОССИИ

Полвека снятся сны о битвах
 Степных, метельных, дождевых...
 Что я живой
 Среди убитых
 И неживой –
 Среди живых.
 И тягостно от лжепричастья
 Словес:
 Никто не позабыт!
 Кричу,
 Но мне не докричатся:
 Кровавым грунтом
 Рот забит.
 И слышу без вести пропавших,
 Их мысли шепчут ковыли:
 «Что там за жизнь
 У близких наших?
 Ответ:
 Не зря мы полегли?»
 И я броском –
 Назад от даты,
 Туда,
 Сквозь грязь,
 По гужевым,
 Где примут исповедь
 Солдаты
 И нарекут
 Меня
 Живым.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ

Написать эти заметки меня заставило потрясение, испытанное при написании совместно с сыном очерка «Мальчик с Огненной дуги».

Задумав очерк, мы исходили из соответствия стихов, посвященных Великой Отечественной войне, подлинным событиям. Замысел появился так. В жизни Михаил рассказывал о войне мало и неохотно: «События общеизвестны...» Он только писал об этом стихи. Даже данные о его нахождении в действующей армии остались в единственном письменном источнике - вступлении к сборнику «Свобода - тягостная ноша», изданному в 2002 году в серии Союза писателей России: «Периодически находился в действующих войсках Советской Армии, сам принимал участие в боях в армии генерала Москаленко». Со слов Михаила я знала, что с ними он подростком дошел до Потсдама. Данных было маловато: например, у Москаленко даже отсутствовали имя-отчество; неплохо было бы проверить воинское звание и были ли его войска в упоминаемой местности...

Все это я попросила сына уточнить в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга, но окунувшись в атмосферу военных лет, Петя уже не смог остановиться. Прочитав воспоминания Москаленко, обратился к другим документам и воспоминаниям - маршалов Конева, Жукова, трудам историков, даже к топографическим картам... В местах боев он встречал названия упоминаемых в стихах селений. Читал донесения политрабработников, подтверждающих подлинность скупых рассказов отца. Появилась реальная возможность воссоздать события, которые пережил мальчик-Сопин и о которых он рассказал, в сущности, только поэтическим словом.

События и стихи переплетались удивительно точно, все – кроме 1942 года. А у Михаила этот год отмечен особо:

«Это я наползаю на скользкий от крови паром, с перебитой душой, под Харьковым в сорок втором...» («Спой мне, век...»)

«Харьков. Танки. Ночь. Основа. Под Мерейфой - ад огня...» («1942»)

Из радиозаписи «Дети войны»:

«Я выводил раненых в самый тяжкий на Харьковщине 1942 год, когда наша армия попала в гигантский котел, о нем все знают...»

Но что там произошло, под Харьковым в сорок втором? - и, в частности, в местах, где находился Михаил? Судя по историческим источникам, которые удавалось найти в библиотеках Вологды и Санкт-Петербурга - ничего. Полное затишье. Глубокий немецкий тыл. Мог ли Миша так крупно ошибаться в датах? Кажется бы, нет. С другой стороны, не подтвержденные документально события мы не могли нигде приводить и тем более комментировать. Поэтому все непонятное и неубедительное стали вычеркивать как возможную ошибку.

Так, например, сомнительной показалась запись Галины Щекиной, сделанная со слов Михаила и также относящаяся к 1942 году («Речь о реке»):

«Между Ново-Борисовкой и Хотмыжском были двойные-тройные переходы наших и немецких войск. Месяцами лежали наваленные горами раздетые волдыреобразные тела советских солдат, их там были тысячи... Все подступы к Ломному были усеяны ими...»

Прежде всего, я выкинула цифру – 'откуда мальчик мог знать, сколько там убитых? (Он их что, считал?). Слово «месяцами» заменила на «подолгу». Убрала образное выражение «горами», а также «раздетые», потому что было непонятно, кто раздевал. Немцы, что ли, позарились на хилую советскую форму? Или мародерствовали местные жители? Иногда немцы перед расстрелом заставляли человека снять хорошие сапоги, но ведь здесь речь идет о ТЫСЯЧАХ! Их что - выстраивали в шеренги и заставляли раздеваться? Может, думаю, Галина записала за Мишей неправильно...

В первоначальном тексте очерка «Мальчик с Огненной дуги» бои сорок второго-сорок третьего года объединены, хотя у Миши они четко разделяются: «После сорок второго пришла другая армия – победительница, но моя армия осталась там... Моя армия – 1941-начала 1942». Перевод окруженцев через линию фронта мы отнесли к сорок первому – если, согласно документам, в сорок втором ничего не происходило, то кого и куда Миша мог переводить? А вот в сорок первом и в сорок третьем там точно были и бои, и окружения.

С другой стороны, кое-какие сведения о Харькове в сорок втором удавалось «поймать» (именно – «поймать!»). Это случалось, как правило, неожиданно и нельзя было подтвердить документально. Так, в канун празднования 50-летия Победы по телевидению выступал писатель-фронтовик Григорий Бакланов, получивший известность как первый, кто поведал миру правду «окопной войны» (впоследствии - редактор журнала «Знамя»). Он очень выразительно, жестами, показывал, как немцы под Харьковом взяли наших в котел: пропустили как можно дальше (заманили), а потом замкнули кольцо. Но я не могла поручиться, к какому это относилось году.

В опубликованных лет 30 назад воспоминаниях Людмилы Гурченко есть рассказ о том, как по Харьковку в период оккупации проходили попавшие в окружение советские солдаты – их было очень много, шли даже с оружием, и, как ни странно, их не задерживали... (Наверное, предоставляли обреченным самим идти к месту казни). Но это не более как отрывочные впечатления девочки.

Однажды в апреле 2005 года я включила радио России и вдруг поняла, что речь идет об окружении под Харьковом - величайшей советской катастрофе, которой после войны ужасался даже немецкий генерал Розенберг. Под руками оказались карандаш и газета, я стала спешно записывать на ее полях.

В мае сорок второго были окружены 240 тысяч советских солдат и офицеров, в плену оказались сразу три армии. Немцы не готовы были принять такое количество пленных. Они сгоняли их в поле, огораживали колючей проволокой и никого не подпускали. Не кормили и не поили. Началась палящая жара, эпидемии. Смертность стопроцентная... Трупы не убирали - боясь заражения, немцы не приближались. (Отсюда понятно, почему солдаты раздетые: спасаясь от зноя, делали это сами - ТС). Потом все это с самолетов засыпали хлоркой, пустили технику...

Но некоторым советским бойцам все же удавалось вырваться - их потом назовут «врагами народа».

И снова телепередача (как всегда, включенная где-то посередине, когда имя выступающего уже не установить). Русская артистка, испанка по происхождению, рассказывала про свою жизнь и начало артистического пути в 17 лет во фронтовой агитбригаде. Она попала в окружение под Харьковом в сорок втором. Из всей агитбригады уцелела одна, схоронившись в овраге с трупами. Пробыла там два или три дня, пока не удалось выбраться ночью незамеченной. Она рассказывала о страшной панике, охватившей окруженцев. Военнослужащие рвали документы и избавлялись от орденов «Красной Звезды», потому что за них расстреливали сразу...

В Новый год приехал Петя и стал расспрашивать - что за передачи, точно ли я записала, отвечаю ли за эти данные. Он нашел подтверждение окружения в марте сорок третьего в районе Ломного, но дата не та и цифра пленных называлась другая. Сначала я отвечала на Петины вопросы уверенно, а потом засомневалась сама. Конечно, запись на обрывках газеты – не документ!

Еще один источник: нашли в Интернете немецкую публикацию Nival Interactive, Блицкриг (Германия), где в главе 10 «Харьков, 1942» прочитали:

«После успешного контрнаступления под Москвой советское командование предприняло попытку захватить стратегическую инициативу. С этой целью сразу на нескольких участках фронта началось наступление советских войск. Однако, благодаря полученным пополнениям, немцам удалось добиться равного соотношения сил и использовать разбросанность советских частей по нескольким направлениям. Для нанесения контрудара немецкое командование выбрало направление, на котором сложилось наиболее благоприятное для немцев соотношение сил, хотя русские наступали здесь особенно энергично - Харьковское, в зоне действия группы армий «Юг». К моменту немецкого контрудара русские войска отбили город Изюм и продолжали развивать наступление на Харьков. В результате образовался сильно выраженный выступ, скоторого продолжало развиваться русское наступление. Под основание этого выступа во фланг и тыл противнику и намечался контрудар.

Для проведения этой операции, получившей название «Фредерикус-1», немецкое командование обеспечило превосходство в людях в 1,1 раза, в артиллерии в 1,3 раза, в самолётах в 1,6 раза при равенстве в танках. Кроме того, поскольку прибывающие силы не бросались в оборонительные бои, а выдвигались на исходные рубежи для удара, в его зоне было достигнуто превосходство в людях в 1,3 раза, в артиллерии в 1,7 раза, в танках в 4,4 раза. В результате, немцам удалось с ходу прорвать русскую оборону и выйти в тыл наступающим русским частям до того, как те начали отход. Советское командование не сразу оценило серьёзность угрозы, и скоро вся ударная группировка оказалась в окружении. Лишь незначительным группам русских удалось вырваться из кольца, бросив тяжёлое вооружение и технику. В итоге потери советских войск составили 267 тыс. человек. Путь для дальнейшего немецкого наступления был открыт. Группа армий «Юг», разделённая на группы армий «А» и «Б», начала наступление на Кавказ и Сталинград».

Заметим, что здесь количество попавших в окружение называлось уже другое – 267 тысяч, а не 240. Вроде бы, изложение

событий квалифицированное, но известно, что Интернет – источник ненадежный.

И вот около месяца назад в нашем подъезде в городе Вологда на улице Благовещенской поселилась семья, приехавшая с Белгородчины. Совсем по другому поводу они сохранили местную газету «Белгородская правда» за 8 апреля 2005 года, и даже не обратили внимание на опубликованный там очерк «Беженцы» за подписью В. Павленко, бывшего заместителя начальника управления КГБ СССР по Белгородской области, Почетного сотрудника госбезопасности СССР.

В.Павленко рассказывал о своем военном детстве, а предшествовало ему вступление:

«В начале 1942 года маршал Тимошенко и член Военного Совета Воронежского фронта Хрущев убедили Верховное командование в успехе предстоящей операции по освобождению Харькова. По мнению современных историков, их план отличался примитивностью и поспешностью. Советские войска были плохо подготовлены. В результате - провал операции. Командующий VI Армией генерал Городнянский, один из героев обороны Смоленска в 1941 году, в отчаянии, видя страшное избиение своих солдат, застрелился. Основная масса направленных на освобождение Харькова войск оказалась в немецком плену. Успех немцев был триумфальным - 240 тысяч военнопленных! Путь на Воронеж был практически открыт».

И все становится на свои места! Документы и воспоминания советских маршалов и генералов, которыми мы пользовались, относились к годам правления генерального секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева - именно тогда историки и военные получили возможность впервые высказывать личный и объективный взгляд на великие события эпохи. Но и эти труды были идеологизированы и нещадно редактировались. По воспоминаниям очевидцев, Г.К. Жуков редакторской правкой был недоволен, но публично против не выступил. В двухтомнике его «Воспоминаний», который удалось достать в Вологодской областной библиотеке, Н. С. Хрущев предстает на групповой фотографии членом военного совета - героем войны.

(Про Хрущева давно ходят слухи, что он загубил в войну большое количество войск, цифра никогда не называлась. Но ведь Хрущев не был первым лицом. Утверждал план военной операции Верховный главнокомандующий - Ставка, Сталин. Хрущев был плохим стратегом, также как был недалеким любителем искусства, «знатоком кукурузы» и т.д. В войну надо было слушать Жукова...)

Еще небольшая цитата из очерка «Беженцы»:

«В районе села шли тяжелые продолжительные бои, и на полях остались стоять подбитые танки, искореженные взрывами снарядов артиллерийские орудия и другая боевая техника. В обвалившихся блиндажах мы, ребяташки, находили массу различного стрелкового оружия, мин, гранат, снарядов... Каждый из нас имел такую «коллекцию» стрелкового оружия, какой позавидовал бы любой современный музей».

Как не вспомнить, что в первый раз Михаил Сопин был арестован за хранение оружия!

Прояснилась и история с получением Михаилом орденов «Красной Звезды». Он не имел на них документов, но считал своими. По его словам, они были получены из рук военнослужащих, которых мальчик выводил из окружения. Один из них, летчик, сказал при расставании: «Носи, сынок, ты заслужил». После войны мальчик так и сделал - некоторое время носил, а когда арестовали одного из его старших родственников, спрятал.

Но орденов, по словам Миши, было два! Что это за манера - раздавать собственные боевые ордена детям?

Не скрою, что эта история казалась мне загадочной и поначалу вызывала недоверие. Даже была мысль: а не могли ли мальчишки ордена... снимать с убитых? Прямо я сказать мужу об этом не могла, но подозревала, что другие могут подумать так же, и посоветовала: «У тебя нет документов - никому не говори». Он и сам все понимал. Замолчал, но не совсем... Своим детям - говорил! Видимо, это было ему дорого, мучило. За год до смерти мужа к нам домой пришла журналистка местного радио, и рассказывая о военном детстве, Михаил сказал: «Пусть микрофон слушает... У меня есть два ордена «Красной Звезды». Где-то лежат». В эфир, разумеется, не прошло, но запись сохранилась.

Лукавить в таких вещах муж не мог. Отношение к войне и солдатским наградам у него было трепетное. Есть у Михаила до сих пор нигде печатно не опубликованное стихотворение (в начале мая я «подвесила» его в Интернете, но большого интереса оно не вызвало).

А стихотворение примечательное! Поэт возвращался к нему в течение десятилетий, изменял, подправлял... В разные годы оно называлось по-разному: «Вера», «Любовь». Измененный конец от слов «Молчи! Молчи...» он приписал уже в больнице за месяц до смерти, снова сменив название – «Победа»

ПОБЕДА

За мертвым лесом
 В неживое поле
 Вернулись обожженные дожди.
 На памяти,
 На пепле и на боли
 Я храм воздвиг
 И выдохнул:
 «Входи!»
 И ты вошла.
 Погоны полевые.
 Из рук пробитых
 Подала Устав.
 И душу сжав,
 Готовую «навывает»,
 Перед тобой я на колени встал.
 Молчи! Молчи...
 Какие униженья...
 У нас всегда лихие времена.
 Во мне, в моем больном воображенье
 Беда моя,
 А не твоя вина!
 Твой прежний смысл
 Замыло лунным светом.
 Прощай.
 Прощай.
 Прости...
 Прости...
 Прости...
 Между тобой в былом
 И мною этим
 Мосточков опаленных
 Не свести.
 Апрель, 2004.

И при таком святом отношении к боевому прошлому опаленного поколения - лукавить?!

Да нет, конечно! В свете новых данных понятно, что ордена действительно были получены мальчиком из рук героев войны, и именно при тех обстоятельствах, о которых он рассказывал.

Я спрашивала в архиве современной политической истории, является ли авторская магнитофонная запись документом, и мне сказали: «Да».

Уходят люди, уходят свидетели... И то очевидное, что совершенно ясно было современникам («В сорок втором... наша армия попала в гигантский котел, о нем все знают...») - для потомков уже не просто белое пятно, а «ясно» с противоположным смыслом. Не было котла - и все, раз в этом замешан генеральный секретарь КПСС Н.С. Хрущев, а такой компромат советской истории не нужен! Сейчас, в период гласности, объективно освещающие историю документы и свидетельства появляются, но кто читает «Белгородскую правду»? Как доступны такие вещи публичным библиотекам, которые в силу своей нищеты предлагают читателям лишь старые издания?

Я думаю, что история Великой Отечественной войны хранит еще много тайн. И не только этой войны... А интерес читающей публики к истории своей страны, к сожалению, падает.

Татьяна Сопина.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После опубликования очерка «Фальсификация» в Интернете мне пришли многочисленные отклики, неопровержимо подтверждающие катастрофу 1942 года.

Вот некоторые из них:

«История Великой Отечественной войны», Балашов А.И., Рудаков Г.П.
Издание: 1-е, 2005 год, 464 стр. ISBN: 5-469-00819-3

В книге есть глава

4.3.3. Поражение советских войск под Харьковом (12–23 мая 1942 г.)

Историк, президент Академии военных наук РФ, генерал Махмут Гареев:
«Объективности ради надо признать, что такие операции, как окружение и уничтожение наступающих советских войск под Харьковом весной 1942 г. или действия генерала Манштейна по разгрому наших войск в Крыму в 1942 г. и некоторые другие, были проведены с большим блеском и военным мастерством». (Из книги «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства»)

Статья на официальном сайте Министерства Обороны РФ:

«1942 г. Немцы завершили окружение советских армий под Харьковом - одно из крупнейших поражений СССР в войне. По сообщению Совинформбюро: «В ходе боев немецко-фашистские войска потеряли убитыми и пленными не менее 90 тысяч солдат и офицеров, 540 танков, не менее 1500 орудий, до 200 самолетов. Наши войска в этих боях потеряли убитыми до 5 тысяч человек, пропавшими без вести 70 тысяч человек, 300 танков, 832 орудия и 124 самолета». На самом деле наши потери были намного больше.»
<http://www.mil.ru/articles/article9759.shtml>

А вот что пишет украинский портал:

http://www.uaportal.com/news/Culture/news_18962.html

31 мая 1942 года немцы завершили окружение советских армий под Харьковом. Результатом этого стало одно из крупнейших поражений СССР в войне.

Харьковская наступательная операция войск Юго-Западного фронта началась 12 мая. Советское командование делало на нее главную ставку в нанесении предупреждающих ударов по немецко-фашистской армии весной 1942 года. Однако 17 мая и противник начал наступление на харьковском направлении. Операция приняла характер встречного сражения. Таким образом, успешно начавшаяся в мае 1942 года наступательная операция Красной Армии в районе Харькова закончилась неудачей. Войска Юго-Западного и Южного фронтов понесли большие потери в живой силе и технике. Такой исход операции явился результатом, прежде всего недооценки «серьезной опасности, которую таило в себе юго-западное стратегическое направление, где не были сосредоточены необходимые резервы Ставки», — писал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Исход борьбы в этих районах в значительной степени определил развитие событий не только на юго-западном направлении, но и на всем советско-германском фронте. От намеченных на лето наступательных операций на всем юго-западном направлении пришлось отказаться.

Бои за Харьков, май 1942

Когда И. Сталину доложили о поражении Красной Армии в Харьковской операции, он назвал это катастрофой. В неудачах Сталин обвинил (и не без оснований) прежде всего командование Юго-Западным направлением — С. Тимошенко, И. Баграмяна и Н. Хрущева. При этом он добавил: «Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе, которую пережил фронт и продолжает еще переживать, то я боюсь, что с Вами поступили бы очень круто...»:

По советским данным, потери войск Юго-Западного направления за период боев с 10 по 31 мая 1942 года составили: 266927 человек (из них раненые и больные, эвакуированные в госпитали — 6314, убитые и захороненные на незахваченной врагом территории — 13556 человек. Остальные 207047 человек попали в окружение), 652 танка, 1646 орудий и 3278 минометов. Вместе с тем, в документах отмечалось, что «установить потери вооружения и техники, из-за отсутствия документов по ряду соединений и частей, не представляется возможным».

По немецким данным, во время боев за Харьков было взято 239036 пленных, уничтожено и захвачено 2026 орудий, 1249 танков и 540 самолетов. Собственные безвозвратные потери в людях составили 20000 человек. Сведений о потерях в технике авторам найти не удалось. Генерал Клейст посл е поездки по району только что стихших боев писал, что «на поле боя везде, насколько хватало глаз, землю покрывали трупы людей и лошадей, и так плотно, что трудно было найти место для проезда легкового автомобиля».

Пишет Виталий Бакуменко, Москва:

«С интересом и волнением прочитал Вашу “Фальсификацию”. Вы правы: это наглое сокрытие одной из вопиющих трагедий Отечественной войны 1941-45 гг. И Михаил Николаевич Сопин, и Людмила Марковна Гурченко говорили Правду о гигантском котле под Харьковом в 1942 году, ибо находились тогда в самой гуще тех трагических событий. Свидетельствую и подтверждаю это и я, поскольку был тогда неподалеку в оккупации. Тогда наша 300-тысячная армия, из-за бездарнейшего руководства, попала в кольцевое окружение, а главнокомандующий Западным и Юго-Западным направлением Герой Советского Союза, маршал Семен Константинович Тимошенко бросил окруженные войска на произвол судьбы и улетел в Москву. “Наказание” ему было чисто символическое: он перестал быть главнокомандующим, а стал просто командующим войсками... Еще мне запомнилось, что взрослые люди говорили: тогда под Харьковом погибло столько наших воинов, что земля еще несколько месяцев там шевелилась и никак не могла успокоиться...»

А вообще-то историю той самой страшной и кровавой войны еще предстоит написать. На Руси уже давно успешно занимаются фальсификацией истории. Ее постоянно переписывают так, как это угодно очередным правителям. И тенденция такова: все, что было до них - никуда не годится, это была сплошная ошибка и недоразумение. Отсюда сплошные “белые пятна” или “легенды”...

СОДЕРЖАНИЕ

Петр и Татьяна Сопины. Мальчик с Огненной дуги	3
«Ребятишки под радугой!...»	18
«Ветряки пламенели...»	18
«Ударю в ладони...»	19
Ирине	20
От Харькова до Льгова	20
Дождь сорок первого	25
1941	26
«Мне шел одиннадцатый год...»	26
Корова	28
«Я не знаю судьбы бесприданнее...»	28
«Только вспыхнет где-то...»	29
«Не виноват, что нет тебя...»	29
Братья	30
Беженцы	31
Плюшевый медведик	31
«Лунно. Полночь. Луга...»	32
Пехота	33
«Дым над осенью, резкий и синий...»	33
«Боль безъязыкой не была...»	34
Ирина	35
Август	35
«Для кого и зачем из сегодня...»	36
«Подрывались. Пропадали. Стыли...»	36
«Дымя, мимо изб, мимо пашен...»	37
«Как трудно уходить из той поры...»	38
«Разметало сиротские рати...»	39
«Что случилось, молодость, с тобою?..»	40
«Когда первый мороз...»	40
Огневая страна	41
«Война началась на рассвете ...»	42
«Живых из живых ...»	43
«На ветер, на осень...»	43

Лиственный край мой	44
«Что было ежено...»	45
«Сторона моя в дальней пороше...»	45
Хлеб	46
«Я вглядываюсь в будни той поры...»	47
Твоей частицей	48
Головчанские леса	49
«Раздумья, раздумья...»	49
«Не тобой я единственно болен...»	50
Ходики	51
Пылающая память	52
По солдатскому долгу – терновый венец	53
«Боль и правда - заплатка к заплате...»	53
«В пилотке со звездой зеленой...»	54
«Мне не казалось - все!..»	54
«Запах лет – фронтовые шинели...»	55
Судьба пороховая	55
«Брат погибший, прости...»	56
«Сидел у окошка. Глядел в облаковую завязь...»	57
«Возвращусь я к порогу...»	57
Ветераны	58
Бессмертник	58
Курск-Харьков	59
«В воронках, у стенки...»	60
«Городам и околицам хрупким...»	60
«Снега и синицы!..»	61
«Все заросло плакун-травой.»	61
1942	62
«О чём я думаю, о чём... »	62
Солдатам России	63
Фальсификация.	64
Послесловие.	72